

СОДЕРЖАНИЕ:

Къ 80-лѣтію Л. Н. Толстого. — Замѣтка. — Хроника. — Письма въ редакцію. — Маленькая хроника. — По провинціи. — „Двѣнадцатая ночь“ *Ното Новис*. — Къ 75-лѣтію перваго изданія „Горя отъ ума“ *Н.* — Художественная толпа и ея обвинители *В. Чехова*. — Изъ Москвы. *Н. Эйфроса*. — Письма изъ Ярославля. *Сав. Семеновича*. — Провинциальная лѣтопись. — Объявленія.

Рисунки и портреты: † Е. И. Арнольди, Грозненская драматическая группа, Заглавная страница пьесы „Горе отъ ума“, „Двѣнадцатая ночь“ (2 рис.), Д. М. Вадимова (шаржъ).

Приложеніе: „Библиотека Театра и Искусства“, кн. VIII: Изъ разсказовъ Густава Шварцкопфа. Пер. съ нѣм. *А. Вейконе*. Стихотвореніе. *Зои Луцаровой*. По поводу новыхъ теорій постановки голоса. *Маріо Джиральдоні*. Къ происхожденію древне-римской комедіи. *Бориса Уразола*. Стихотвореніе. *Н. Шебуева*. „Обнаженная“, пьеса въ четырехъ дѣйствіяхъ. *Адри Батийя*. Перев. съ франц. *М. А. Потапенко*.

Къ 80-лѣтію Л. Н. Толстого.

Сценический міръ уже успѣлъ откликнуться на юбилей нашего великаго писателя. Пока заносимъ на наши столбцы два, полученные нами, предложенія. Первое, подъ заголовкомъ „Обращеніе къ артистамъ“, гласитъ слѣдующее:

Мы, дѣятели сцены, сердцу которыхъ Левъ Толстой столь же близокъ, какъ и русскимъ писателямъ и художникамъ, желали бы съ своей стороны въ той или иной формѣ ознаменовать эту славную годовщину. Лучшей формой такого ознаменованія мы считали бы устройство спектаклей, весь сборъ съ которыхъ поступалъ бы въ фондъ для постройки живого памятника великому человѣку — дома-музея имени Льва Николаевича Толстого. Согласіемъ на участіе въ такихъ спектакляхъ мы уже заручились со стороны М. Г. Савиной, В. В. Стрѣльской, К. А. Варламова, К. Н. Яковлева, З. В. Холмской, Л. А. Ведринской, Ю. М. Корвина-Круковского, А. Новинскаго, А. Пантелѣева, г. Ангарова, г. Кіенскаго и другихъ. Настоящимъ письмомъ мы призываемъ и другихъ нашихъ товарищей по профессіи въ столицахъ и провинціи принять участіе въ устройствѣ подобныхъ спектаклей для усиленія фонда имени Л. Н. Толстого. Этимъ мы внесемъ и свою лепту въ дѣло созданія въ Петербургѣ дома-музея имени Льва Николаевича Толстого, дѣло, починъ которому уже положенъ русскими писателями и русскими художниками.

Заслуженный артистъ Императорскихъ театровъ В. Н. Давыдовъ. Артисты Императорскихъ театровъ: Г. Г. Ге, Ю. Э. Озаровскій, Ю. М. Юрьевъ, В. И. Петровъ, Н. Н. Ходотовъ.

Второй откликъ полученъ нами изъ провинціи:

„Прошу напечатать мое предложеніе сценическому міру — поставить въ наступающемъ сезонѣ во всѣхъ театрахъ Россіи пьесу гениальнаго юбиляра; сценическимъ дѣтелямъ устроить общую подписку, не стѣсняясь суммой, кто сколько можетъ; всѣмъ антрепренерамъ и театральнымъ дирекціямъ отчислѣть въ продолженіи года со спектаклей пьесъ Льва Николаевича гонораръ, равный обыкновенной авторской платѣ, и весь, имѣющій образоваться, капиталъ опредѣлить либо на стипендіи великаго имени свѣточа русской мысли и общечеловѣческой правды, Толстого, либо на изданіе его пьесъ для бесплатной раздачи народу.

Сценический дѣтель *В. Никулинъ*.

Редакціей „Театра и Искусства“ отправлена 28 августа Л. Н. телеграмма такого содержанія:

Въ свѣтлый день 80-лѣтія Вашей чудесной жизни примите дань преклоненія отъ журнала „Театръ и Искусство“ и его читателей-актеровъ, въ лучахъ Вашего гениа находившихъ отраду своего искусства и смыслъ его назначенія.

С.-Петербургская консерваторія отправила въ Ясную Поляну по телеграфу слѣдующее привѣтствіе:

Сегодня, когда въ вашемъ лицѣ весь міръ чествуетъ великаго художника и человѣка, великаго подвижника добра и красоты, с.-петербургская консерваторія считаетъ священнымъ долгомъ присоединить свой гопосъ къ ликующему хору всего многоблагодарнаго вамъ человѣчества и отъ глубокопочитающаго васъ сердца высказать пожеланія вамъ здоровья и бодрости на счастливые годы“. Директоръ консерваторіи Глазуновъ.

У насъ сообщалось уже о постановленіи одесской театральной коммисіи насчетъ удаленія одной артистки городского театра по причинѣ „предсудительнаго“ образа жизни. По поводу этого диковиннаго постановленія мы получили слѣдующія строки изъ Одессы:

„О какой именно актрисѣ рѣчь идетъ, я не знаю, но утверждаю, что подобное вторженіе въ частную жизнь артистовъ, безапелляціонное рѣшеніе этическихъ вопросовъ и безцеремонное гласное лишеніе чести профессиональной актрисы и женщины — фактъ глубоко возмутительный даже въ наши сѣрые, тоской объятые, дни! Невозможно спокойно говорить о томъ, что порой позволяетъ себѣ этотъ театральныи „ареопагъ“, — не въ одной только Одессѣ: въ одномъ случаѣ явно дѣйствуя въ разрѣзъ съ общественными интересами; въ другомъ — выдавая бляхи нравственности актрисамъ съ опредѣленнымъ положеніемъ и званіемъ и т. д. и т. д. до искаженія репертуара и приниженія свободной личности актера включительно! Гг. русскіе актеры, о васъ ли рѣчь идетъ? Или васъ еще недостаточно бьютъ антрепренеры и режиссеры, что хотите еще ударовъ? Не вашего ли товарища-женщину смертельно оскорбили?

Стыдно! Одно изъ двухъ: или женщина-товарищъ оскорблена или какъ можно служить у г. Багрова.

Повторяю: ни имени, ни званія, ни роду этой актрисы я не знаю и не видѣлъ, но зато я знаю русскихъ актеровъ и актрисъ ужъ много лѣтъ, и знаю, что они красиво живутъ, глубоко чувствуютъ.

Гдѣ же труппа г. Багрова? Гдѣ вашъ протестъ, „герои“ и „благородные отцы“ — на сценѣ?

Тутъ какое-то недоразумѣніе.

Сегодня изгнали „Марью Ивановну“, завтра — „Надежду Николаевну“. Сегодня — актрисъ, завтра — актеровъ, особенно, когда ключи къ нравственности находятся въ столѣ городской думы“.

ХРОНИКА.

Слухи и вѣсти.

— Провинциальные антрепренеры и артисты, пребывающіе въ московскомъ театральномъ бюро, послали поздравительную телеграмму Л. Н. Толстому. Телеграмма, составленная антрепренеромъ г. Басмановымъ, такова:

„Мы, скромные труженики провинціальной сцены, собравшіеся въ Москвѣ въ историческій день 80-й годовщины Вашей славной жизни, приносимъ дань безграничнаго уваженія и сердечный привѣтъ великому художнику и мыслителю. Пусть жизнь и дѣятельность Ваши, не боясь кощунственныхъ нападокъ, илущихъ изъ глубины мрака и невѣжества, долго еще озаряютъ русскую жизнь свѣтлымъ лучомъ мысли и красоты. Спасибо учителю жизни!.. Многая лѣта!..“

— Изъ Парижа получено сообщеніе о помѣшателствѣ Коклена. Онъ ушелъ прямо со спектакля („Любовь на стражѣ“) въ гримъ и костюмъ. Надѣются на выздоровленіе.

— Залъ Держиза снятъ на зимній сезонъ г. Гардинымъ, который предполагаетъ создать здѣсь театръ на манеръ парижскаго „Grand Gigniol“.

— Дирекція гг. Кирикова и Циммермана при возобновленіи контрактовъ на зимній сезонъ, всего за нѣсколько дней до истеченія старыхъ контрактовъ, какъ намъ сообщаютъ, отказала въ службѣ многимъ хористамъ, а остальнымъ сбавила и безъ того грошовое жалованье.

— Н. П. Россовъ сдѣлалъ новый переводъ „Ромео и Джульетты“. Кстати, о г. Россовѣ. Въ дирекцію Малаго театра поступила своеобразная „петиція“, за подписью 200 чел., въ которой просятъ давать и въ нынѣшнемъ сезонѣ класс. репертуаръ съ г. Россовымъ.

— Известный виртуозъ на контрабасѣ, проф. С. А. Кусевичъ пожертвовалъ 5,000 рублей въ пользу начинающихъ композиторовъ, не имѣющихъ возможности, вслѣдствіе отсутствія матеріальныхъ средствъ, развивать свой талантъ. Деньги будутъ переданы въ распоряженіе С. В. Рахманинова.

— „Русск. Муз. Газ.“ узнала изъ достовѣрнаго источника, что сообщеніе газетъ о дневникѣ, который будто-бы велъ Н. А. Римскій-Корсаковъ начиная съ 1892 г.—невѣрно. Въ бумагахъ его найдена автобіографія, озаглавленная „Лѣтопись моей музыкальной жизни“, въ которой усопшій художникъ описываетъ свое музыкальное воспитаніе и развитіе, свои музыкальные успѣхи, выясняетъ критическій взглядъ на собственныя произведенія, а также характеризуетъ свою эпоху и многихъ музыкальных дѣятелей.

— Режиссеромъ въ Новый театръ (антреприза Ф. Н. Фальковского) приглашенъ, какъ говорятъ, А. А. Санинъ, давшій уже свое принципиальное согласіе.

— Годовое общее собраніе членовъ Театр. Общества состоится въ сентябрѣ. Въ имѣющемъ выйти на-дняхъ отчетѣ Общества впервые напечатаны фамиліи лицъ, просрочившихъ 2 года ссуды и недоимки по бюро.

— На Музыкально-Драматическихъ и Оперныхъ курсахъ Поллакъ назначено приемное испытаніе первой группы по классамъ драматическаго искусства, во вторникъ, 2-го сентября, въ часъ дня.

— 9 сентября выѣзжаетъ въ турнѣ въ царство Польское оперная труппа М. Ф. Шигаевой.

— Оперный артистъ А. А. Черновъ на зиму подписалъ въ Тифлисѣ къ г. Эйхенвальду.

— Оперная труппа Циммермана и Кирикова закончила гастроль въ Вильнѣ съ дефицитомъ. Дано было 14 спектаклей, изъ коихъ 2 утреннихъ.

— Г. Федоровъ сформировалъ въ Бюро оперную труппу для поѣздки по городамъ: Минскъ, Вильна, Кишиневъ и Житомиръ.

— Приѣхалъ Е. П. Карповъ, закончившій новую пьесу.

— Общество драматическихъ писателей измѣнило уставъ о грибодовской преміи, которая никогда никому не выдавалась. Теперь эта премія будетъ носить характеръ поощрительный и вмѣнено въ обязанность жюри присуждать ее ежегодно во что бы то ни стало. Стало быть, ежегодно будутъ премированные драматурги.

— Дирекція Императорскихъ театровъ начинаетъ остроумно экономить: приглашая оперную пѣвицу съ окладомъ 100 руб. въ мѣсяцъ на одинъ годъ, она включила въ условіе, что лѣтніе мѣсяцы въ счетъ не идутъ. Последнее условіе—служба круглый годъ—служило главнымъ соображеніемъ въ стремленіи на казенную сцену. Теперь и это преимущество отпадаетъ.

— Изъ числа преподавателей балетнаго отдѣленія Императорской школы вышли г-нъ Гердтъ (мимика и пластика) и г-нъ Ширяевъ (характерные танцы). Недавно введенный для обоихъ отдѣленій училища предметъ „эстетика“ будетъ читаться г-номъ Князевымъ.

— 1 сентября исполняется 20 лѣтъ службы главнаго режиссера Императорской оперы Г. І. Монахова, а 10 сентября 45-лѣтіе службы маститаго капельмейстера Э. Ф. Направника.

— 24 августа въ союзѣ драматическихъ и музыкальных писателей состоялось чрезвычайное общее собраніе.

Въ началѣ засѣданія была почтена память вставаніемъ умершаго сочлена В. В. Вибиліна, портретъ котораго предложено повѣсить въ союзѣ. Затѣмъ, обсуждался вопросъ о конкурсѣ имени А. Н. Островскаго. Рѣшено объявить четвертый конкурсъ. Были высказаны мнѣнія, что конкурсъ имени А. Н. Островскаго не стоитъ на должной высотѣ, что члены жюри иногда вѣнчаютъ лаврами мало интересныя пьесы; раздавались голоса объ уничтоженіи конкурса и о его несомнѣнномъ вредѣ, такъ какъ онъ порождаетъ бездарности. Предсѣдатель А. Р. Кугель объяснилъ, что жюри винить невозможно; на конкурсъ представляется хламъ, и пьеса относительно хорошая вызываетъ удовлетвореніе. Для болѣе правильной оцѣнки рѣшено пересмотрѣть правила конкурса, для чего избрана коммисія въ которую вошли: гг. Кугель, Измайловъ, Батюшковъ, Безятовъ, Карповъ и два кандидата: Лихачевъ и Бентовинъ.

— Музыкально-драматическіе курсы гг. Заславскаго и Фистулары переходятъ въ помѣщеніе б. музыкально-драматическаго кружка, съ большимъ театральнымъ заломъ и рядомъ комнатъ для классовъ, на улицѣ Гоголя, д. 21.

— А. А. Навроцкій (Н. А. Навроцкій) закончилъ свою драматическую былинку „Илья Муромецъ“, которую и предполагаетъ поставить въ Москвѣ. Другая обстановка пьесы его „Сказаніе о Свѣтлоградѣ“ предполагается въ постановкѣ въ зимній сезонъ въ театрѣ Народнаго Дома въ Петербургѣ.

* * *

Московскія вѣсти.

— Въ бюро большое оживленіе вызвалъ среди оперныхъ артистовъ приѣздъ антрепренеровъ гг. Эйхенвальда (Тифлисѣ), Мандельштама (Казань—Саратовъ), Федорова (Житомиръ) и Миллера (Царицынъ). Г. Миллеръ собираетъ оперу исклѣчи-

тельно изъ молодыхъ пѣвицъ и пѣвцовъ. Въ качествѣ гастролеровъ имъ приглашены: Н. Н. Фигнеръ и пѣвица Рене-Фигнеръ. Бывшая артистка Большого театра г-жа Хрѣнникова получила приглашеніе въ Саратовъ и Казань. У всѣхъ антрепренеровъ недостатокъ на теноровое амплуа.

— Съ 27 августа опереточная труппа г. Левицкаго перешла въ Интернаціональный театръ. Въ „Акваріумъ“ же до 1 сентября будетъ играть вновь сформированная фарсовая труппа.

— Съ 27 августа въ Бюро началась записъ фамилій всѣхъ входящихъ въ помѣщеніе бюро. Послѣ переписки будетъ проверка; кто состоитъ членомъ бюро, тотъ будетъ имѣть право входа, остальные же нѣтъ.

— Въ бюро собирались подписи отъ безработныхъ артистовъ подъ прошеніемъ, подаваемымъ на имя московскаго градоначальника о разрѣшеніи устройства драматическихъ спектаклей на морской выставкѣ въ манежѣ.

* * *

† Е. И. Арнольди. 6 іюля умерла драматическая артистка Евгенія Ивановна Арнольди (Н. Ф. Рыхлицкая).

Покойная начала служить въ 1870 г. въ „Московскомъ семейномъ саду“ на Николаевской ул. Затѣмъ служила въ Москвѣ, Н.-Новгородѣ, Харьковѣ, Киевѣ, Одессѣ и др., неся на себѣ отвѣтственные роли бытового репертуара.

Настоящій лѣтній сезонъ она служила на ст. Сиверской, у Ракитина. На сценѣ прослужила 38 лѣтъ. Скончалась отъ паралича. Больную привезли въ Петропавловскую больницу. Хоронили на Митрофаньевскомъ кладбищѣ 9 іюля. Почти никто изъ товарищей не пришелъ отдать послѣдній долгъ покойной. Грустно.

В. Л.

* * *

Подъ заглавіемъ „Вниманію меценатовъ и артистовъ“, мы получили слѣдующую замѣтку:

„Въ Смоленскѣ въ 1906 году основана первая музыкальная школа имени Глинки, роднымъ племянникомъ нашего великаго композитора по матери Ольгѣ Ивановнѣ Измайловой (урожденной Глинкѣ) Александромъ Николаевичемъ Измайловымъ. Къ этому симпатичному начинанію слѣдовало-бы отнестись съ полнымъ вниманіемъ и общимъ сочувствіемъ, какъ къ первой музыкально-педагогической дани творцу „Жизни за Царя“ и „Руслана“.

Наступаетъ 3-й учебный годъ, а упомянутая школа не имѣетъ возможности окрѣпнуть за недостаткомъ средствъ. Главная причина тяжкая и продолжительная болѣзнь учредителя школы Измайлова.

Слѣдовало-бы меценатамъ оказать основанной школѣ существенную поддержку, а также артистамъ, въ особенности опернымъ. Программа школы довольно обширная, но пока въ прошлые два учебные года преподавались только спеціальныя предметы: сольное пѣніе и фортепианная игра. Измайловъ уже работаетъ 26-й годъ и кромѣ преподавательской дѣятельности выступаетъ и теперь въ концертахъ, какъ солистъ пѣвецъ, преимущественно исполняя вокальныя сочиненія Глинки. Измайловъ авторъ книгъ: „Дружескіе совѣты учащимся, какъ нужно заниматься фортепианной игрой и сольнымъ пѣніемъ и очеркъ „Музыка—душа моя“.

Поддержка дастъ возможность ея учредителю въ наступающемъ учебномъ году поставить дѣло опредѣленно, хорошо и твердо.

За всякій даръ и содѣйствіе начинанію, Измайловъ, какъ намъ передавали, будетъ глубоко признателенъ, а имена жертвователей будутъ записаны на мраморной доскѣ, если школѣ дадутъ возможность стать на твердую почву.

Адресовать, желающіе принести въ даръ молодому музыкальному учрежденію, могутъ на имя директора-учредителя Александра Николаевича Измайлова, Смоленскъ Музыкальная школа имени Глинки, на Большой Вознесенской домъ Борисовича“.

* * *

Намъ пишутъ изъ Москвы: Капитальный ремонтъ Солодовникова театра уже подходитъ къ концу. Съ внѣшней стороны театръ почти готовъ. Между прочимъ, рѣшено значительно увеличить число мѣстъ въ партерѣ и съ этою цѣлью будутъ уничтожены прежнія ложи въ бенуарѣ. Спектакли оперы Зимины, какъ теперь выяснилось, могутъ начаться въ Солодовниковскомъ театрѣ уже съ 1-го ноября; для открытія будетъ поставлена послѣдняя опера покойнаго Н. А. Римскаго-Корсакова—„Золотой пѣтушокъ“. Къ этому времени, какъ оркестръ, такъ и хоръ оперы будутъ значительно увеличены. До перехода въ театръ Солодовникова сезонъ оперы Зимины начнется въ своемъ бывшемъ помѣщеніи—въ Новомъ театрѣ. Для предстоящаго зимняго сезона дирекція предполагаетъ возобновить съ участіемъ г-жи Южиной въ заглавной роли старинную оперу „Норма“, не шедшую въ Москвѣ около 20 лѣтъ за отсутствіемъ исполнительницы главной партіи, требующей исключительныхъ вокальныхъ средствъ. Для приглашеннаго изъ Большого театра баритона г. Грызунова поставятъ при полной новой обстановкѣ „Демона“; всѣ декорации и

костюмы будутъ сдѣланы по эскизамъ худ. Федоровскаго, за-
рекомендовавшаго уже себя по прошлагодной постановкѣ оперы
„Кармень“. О томъ, какъ интересуются москвичи предстоя-
щимъ сезономъ оперы Зимина, свидѣтельствуетъ первый же
день открытія продажи билетовъ на объявленный репертуаръ.
Билеты берутся буквально нарасхватъ. Конкуренція для Боль-
шого театра болѣе чѣмъ солидная, особенно, если принять во
вниманіе, что большинство выдающихся пѣвцовъ покинули
сцену Императорскаго театра.

Шалапинъ пѣть въ Москвѣ отказался вовсе, Собиновъ бу-
детъ появляться периодически въ качествѣ гастролера, весь же
репертуаръ повидимому будетъ нести г. Бонавичъ, которому
поручены партіи Садко и Леона въ „Зимней сказкѣ“. („Садко“
пойдетъ въ память Н. А. Римскаго-Корсакова). Баритонъ въ
труппѣ одинъ—г. Баклановъ, который по контракту высту-
пить только съ октября. Весь же сентябрь дирекція будетъ
перебиваться съ двумя баритонами: г. Брагинымъ, переведен-
нымъ изъ Петербурга и новичкомъ г. Горчаковымъ, неудачно
дебютировавшимъ въ Онѣгинѣ. Немного упованій можно воз-
ложить и на г-жъ Балановскую и Калиновскую, призванныхъ
замѣстить вышедшихъ изъ состава труппы г-жъ Ермоленко-
Южину и Друзякину. Обѣ дебютантки—молодая, начинающія
пѣвицы; тѣмъ не менѣе имъ поручены отвѣтственные партіи:
первой—„Джіаконду“ и „Аиду“, а второй—„Пиковую даму“.

Сезонъ еще не начался, а уже среди артистовъ и музы-
кантовъ Большого театра замѣтно недовольство распоряже-
ніемъ дирекціи, принявшей внѣ обычныхъ правилъ конкурса
піаниста-концертмейстера.

Конкурсъ долженъ былъ происходить въ присутствіи худо-
жественной комиссіи въ назначенный день, но, каково же
было удивленіе кандидатовъ, узнавшихъ, что вакантное мѣсто
піаниста уже занято счастливымъ соперникомъ безъ всякаго
конкурса.

Считаемъ не безынтереснымъ привести списокъ прибавокъ
къ жалованію балетныхъ артистокъ и артистовъ Большого те-
атра. Г-жамъ Федоровой 2-ой—400 р. въ годъ, Балашовой—
220 р., Каралли—180 р., гг. Козлову 1-му—300 р., Волину—
180 р., Новикову—240 р. Далѣе слѣдуютъ прибавки не безъ
комическаго оттенка, такъ: г-жи Бурина 2-ая, Парикова, Фе-
дорова 1-ая, Грабовская и гг. Вѣлоусовъ, Голубинъ 1-ый, Кар-
цевъ, Семеновъ, Ермаковъ, Щегловъ—по 60 р. въ годъ, что
составить—5 р. въ мѣсяцъ, общая же сумма жалованья—
55 р. Эта цифра краснорѣчивѣе всякихъ словъ. Любопытно,
однако, отмѣтить, что указанные артисты прослужили на сце-
нѣ не менѣе 6—7 лѣтъ, прошедші предварительную много-
трудную семилѣтнюю школьную подготовку. Но прибавки, сдѣ-
ланныя г-жамъ Куршиной и Некрасовой превосходятъ своею
щедростью всякія вѣроятія, —раньше онѣ получали 700 р. въ
годъ, теперь же цифра эта возросла на цѣлыхъ... 20 рублей!
Справедливость требуетъ прибавить, что большинство указан-
ныхъ въ списокъ артистовъ занимаютъ въ балетахъ отвѣт-
ственные мѣста. Это ли не пасынки сцены?!

Ставится вопросъ: можно ли хоть относительно сносно
существовать въ столицѣ на такіе грошевые оклады? Инте-
ресно знать, что думаетъ по этому поводу дирекція Импера-
торскихъ театровъ.

Художественный театръ ведетъ переговоры съ извѣст-
нымъ англійскимъ режиссеромъ-новаторомъ Гордономъ Крегъ.
Театръ приглашаетъ его поставить одну шекспировскую пьесу.
Какъ мы слышали, г. Гордонъ Крегъ охотнѣе всего берется
за постановку „Гамлета“ или же „Венеціанскаго купца“.

Режиссеръ Малаго театра Н. А. Поповъ закончилъ книгу
о К. С. Станиславскомъ, представляющую собой рядъ инте-
ресныхъ воспоминаній о дѣятельности К. С., начиная съ его
первыхъ шаговъ въ московскомъ обществѣ искусства и лите-
ратуры. Книга эта, иллюстрированная снимками прежнихъ по-
становокъ Станиславскаго, выйдетъ въ свѣтъ ко дню десяти-
лѣтняго юбілея Художественнаго театра.

Оперетка въ театрѣ бывш. Буффъ начнетъ функцио-
нировать съ 17-го сентября. Для перваго спектакля пойдетъ новая
оперетка Эккерта „Фрина“. Въ числѣ дальнѣйшихъ новыхъ
постановокъ намѣчены слѣдующія оперетки: „Комиссіонеръ“
(Пфеффекорнъ) Легара, его же „Троженецъ“, затѣмъ „Сказ-
ки“ Андерсена, „Веселый вдовецъ“ (пародія на „Веселую
вдову“) и „Гусарскій постой“.

* * *

Театръ Лит.-Худож. Общества поставилъ спектакль „въ
честь гр. Л. Н. Толстого“. Къ сожалѣнію, были поставлены
лишь отрывки—и не въ большемъ числѣ. Шелъ отрывокъ
изъ „Восресенія“ съ г-жей Мироновой въ роли Катюши и двѣ
картины 5 акта „Власти тьмы“, со старыми исполнителями.
Новыми были лишь г-жа Карчагина—Матрена и г. Блюмен-
талъ—Тамаринъ—Никита. Всего больше аплодисментовъ вы-
пало на долю „Власти тьмы“. Очень живо прочиталъ г. Чу-
бинскій разсказъ Карла Ивановича, а въ заключеніе были по-
ставлены „живыя картины“. Спектакль окончился рано. Пуб-
лики собралось не полный театръ—въ такой-то день!—и вела
себя публика „приличнѣе“ даже, чѣмъ слѣдовало.

* * *

† Е. И. Арнольди.

Тавричскій садъ. „Тургеневскій“ спектакль въ Тавриче-
скомъ саду 22 августа дѣлаетъ честь главному режиссеру
народныхъ сценъ попечительству о народной трезвости А. Я.
Алексѣеву и его помощнику И. Г. Мирскому. На программѣ,
украшенной отличнымъ портретомъ И. С. Тургенева, была на-
печатана краткая характеристика писателя и общались къ
исполненію двѣ его пьесы: „Нахлѣбникъ“ и „Завтракъ у пред-
водителя“. Поставлены пьесы со стильными декораціями и ко-
стюмами и, главное, съ любовью.

Въ „Нахлѣбникѣ“ роль несчастливаго Кузовкина игралъ
г. Розенъ-Санинъ. Первый актъ онъ провелъ очень тепло и
характерно, показавъ всю горечь обиды, которая не смѣетъ
вырваться протестомъ, которую судьба давно уже научила
скрывать: крикъ безумной боли, крикъ рокового признанія,
открытія тайны. Второй актъ требуетъ отъ актера исключи-
тельной глубины переживанія и тонкости передачи смѣняю-
щихся чувствъ. Здѣсь драму души надо передать во всей ея
сложности. Г. Розенъ-Санинъ былъ мѣстами трогателенъ, выз-
валъ, какъ и послѣ перваго акта, шумные аплодисменты пе-
реполнявшей театръ публики, но игра его была однотонна. Мы
слышали и видѣли только жалкаго Кузовкина, а въдѣ въ его
разсказѣ дочери должны были промелькнуть и вспышка былой
страсти, и негодованіе на человѣка, тиравившаго дорогую жен-
щину, и ужасъ грѣха, и отчаяніе отъ своего безсилія... Въ об-
щемъ г. Розенъ-Санинъ все же показалъ себя, какъ всегда,
умнымъ и интеллигентнымъ артистомъ.

Г-жа Никитина роль Елецкой сыграла съ большой искрен-
ностью. Начало перваго акта было проведено ею такъ жиз-
ненно, съ такими милыми интонаціями, что на сценѣ сразу
почувствовалась женская ласка, женскій привѣтъ. Трудную
сцену съ неожиданно узнаннымъ въ Кузовкинѣ отцомъ, ар-
тистка передала съ чувствомъ мѣры, отмѣнивъ борьбу чув-
ства съ ложнымъ стыдомъ.

Типичны были Корпачевъ (г. Богдановъ), Нарцисъ (г. Ни-
кольскій), Карташовъ (г. Петровичъ), Н. Г. Скарятинъ немного
перегузиль и безъ того рѣзкую роль Тропачева, а г. Де-
ментьевъ, видный Елецкій, далъ мало „столичнаго“ лоска. Ар-
тисту лучше удаются роли бытового типа, роли яркой окраски.
Въ „Завтракъ у предводителя“ очень колоритную фигуру ди-
пломата-предводителя далъ г. Скарятинъ и типиченъ былъ въ
роли Пехтерьева (старый предводитель) г. Владиміровъ.

Комическія роли пьесы съ отличнымъ ансамблемъ играли
г-жа Романовская (Каурова), гг. Ромашковъ (Безпондинъ), Ди-
линъ (Мирволинъ), Малыгинъ (Алупкинъ), Альскій (судья),
Струйскій (кучеръ). Публика смѣялась хорошимъ, здоровымъ
смѣхомъ.

Н. Тамаринъ.

* * *

„Эдэнъ“. Въ саду-театрѣ „Эдэнъ“ поставлена была въ бе-
нефисѣ управляющаго, г. Иванова, пьеса въ 3-хъ картинахъ
г. С. Мамонтова—„Смерть Пушкина“. Я шелъ смотрѣть ее
съ предубѣжденіемъ, боясь кощунственнаго отношенія къ па-
мяти поэта и его личной жизни... Пьеса, къ счастью, оказа-
лась написанной очень недурными стихами, съ удачно встав-
ленными отрывками изъ Пушкина, жена поэта въ пьесѣ
является, какъ и поэтъ, жертвой клеветы и слякоти того
„свѣта“, который заклеилъ огненнымъ стихотвореніемъ
Лермонтова на смерть брата-поэта. Въ пьесѣ несогласно съ
исторіей, но вполне правдоподобно, Лермонтовъ импровизи-
руетъ свои стихи, прида къ уже мертвому Пушкину и ярко
заканчивается пьесу. Очень удачна сцена передъ дуэлью, когда
Пушкинъ слышитъ бесѣду крестьянъ о семейной драмѣ въ
деревнѣ и ея „божескомъ“ завершеніи.

Гримы Пушкина, Жуковскаго, Лермонтова, Дантеса, На-
тали Николаевны, Загряжской, очень хорошо сдѣланы по
портретамъ.

Играли пьесу артисты скромныхъ способностей, но они
тщательно выучили роли, прониклись уваженіемъ къ возсо-
зданію послѣднихъ дней жизни великаго поэта.

1-й рядъ (сидятъ на землѣ): К. О. Захаровъ, Г. Г. Лапская, В. Е. Ивановъ и Л. Н. Братанова.
 2-й рядъ (сидятъ): П. Л. Фонъ-Фессингъ, В. Л. Ченгери, М. И. Кемперъ, Е. Л. Катериничъ, А. А. Головина, В. В. Шаховской (суфлеръ), А. Л. Загаровъ, М. А. Михайловъ (художникъ), Е. И. Игнау.
 3-й рядъ (стоятъ): Ф. Г. Евдокимовъ (парикмахеръ М. Худож. т.), В. А. Кумашевскій, К. А. Давидовскій, А. С. Любшъ, **, И. И. Соколовъ (помощникъ), Н. И. Кручининъ, М. А. Зоринъ.
 4-й рядъ (стоятъ): Т. И. Мравина, А. И. Харламовъ, С. С. Твардовскій и В. К. Магншевская.

Труппа подъ режиссерствомъ А. Л. Загарова. Г. Грозный (Терской обл.). Лѣто 1908 г.
 (съ 1-го мая по 1-ое августа).

гоколъ ошибку, чтобы Лебедевъ не могъ ею воспользоваться. Въ протоколѣ между прочимъ написано, что В. И. Островскимъ нѣкоторымъ артистамъ не уплачено жалованье. Въ дѣйствительности же дѣло обстоитъ такъ: въ минуту составленія протокола т. е. 20 июня жалованье не было уплачено артистамъ Мертваго и Брагиной и артисту Рамину, которыхъ довѣренная Островскаго просила отсрочить платежъ до 21-го июня, на что они согласились. 21 июня жалованье и было имъ уплачено довѣренной Островскаго М. С. Анчаровой.

Артистка В. В. Шевченко-Макарова, Т. М. Брагина, Александръ Канинъ, Агриппина Туровская, Борисъ Васильевъ, Гар. Раминъ, Ив. Гр. Качаловъ, Н. Тимофеевъ, М. Г. Волковъ, М. С. Анчарова, С. Н. Басовъ.

По провѣдѣнн.

Бердичевъ. 24 августа передъ началомъ спектакля вслѣдствіе воспламененія проводовъ сгорѣлъ театръ Загера. Въ огнѣ погибло все имущество малорусской труппы Гайдаиакъ.

Варшава. Въ варшавскомъ музыкальномъ мірѣ горячо обсуждается неслыханный скандалъ въ варшавской филармоніи, директоръ которой Райхманъ внезапно прервалъ симфоническіе ежедневные концерты оркестра филармоніи въ саду такъ называемой „Швейцарской долины“ и нотаріально отказалъ сразу всему оркестру, мотивируя расторженіе контракта съ музыкантами, въ числѣ 85 чел., критикой ими въ газетахъ его дѣятельности, какъ директора, что, по его мнѣнію, нарушило §§ контракта о почтительномъ отношеніи музыкантовъ къ ихъ начальству. Берлинскій и пражскій союзы оркестровыхъ музыкантовъ заявили о своей полной солидарности съ варшавскими коллегами, обѣщая, что ни одинъ музыкантъ, ни нѣмецъ, ни чехъ, не займетъ мѣста выброшенныхъ за бортъ невинно-

пострадавшихъ варшавянъ. Къ дирекціи филармоніи потерпѣвшими предъявляется рядъ исковъ.

Владивостокъ. Съ 15 августа въ драматическую труппу Общедоступнаго театра приглашена на рядъ спектаклей Э. О. Днѣпрова.

— Театръ „Золотой Рогъ“ г. Галецкаго снялъ съ зимы на 3 года А. И. Оссовскій, состоявшій въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ уполномоченнымъ Театральнаго Общества.

Кіевъ. Антрепренерамъ кіевскихъ театровъ объявлено новое правило о взиманіи благотворительнаго сбора въ пользу учрежденій Императрицы Маріи; благотворительныя марки должны наклеиваться соразмѣрно полной цѣнѣ билета, вмѣстѣ съ платой за гардеробъ, а не соразмѣрно одной платѣ за входъ, какъ практиковалось до сихъ поръ.

— Въ театрѣ Соловцовъ для полноты иллюзіи снята суфлерская будка. Она помѣщается подъ рампой и совершенно не видна зрителямъ.

Мелитополь, Тавр. губ. Намъ пишутъ: Распоряженіемъ начальника губерніи дальнѣйшіе спектакли нѣмецко-еврейской труппы Ратштейна воспрещены.

Съ 26-го августа по 15 сентября театръ Шульмана сданъ украинской труппѣ г. И. З. Гончароваго.

Одесса. Г. Багровъ объясняетъ на страницахъ газетъ отказъ въ службѣ до начала сезона г-жѣ Алинской (См. „По пров.“ № 34) небрежностью и ея некорректнымъ поведеніемъ, Г-жа Алинская перенесла дѣло въ судъ.

— Театральная коммисія оставила въ составѣ труппы актрису, которая была прежде вычеркнута въ цѣляхъ „нравственности“ въ частномъ совѣщаніи председателемъ и однимъ членомъ коммисіи. Говорятъ, однако, что актриса эта сама отказывается теперь отъ ангажемента.

— Г. Макасовымъ на предстоящій сезонъ въ Сибиряковскомъ театрѣ дирижеромъ, кромѣ г. Штейнберга, приглашенъ также г. Эспозито.

Ростовъ-на-Дону. Ростовскій театръ усиленно готовится къ открытію сезона (предположительно 18 сентября). Театръ увеличенъ на нѣсколько рядовъ креселъ, заново отремонтированъ. Декораторомъ „отъ Корша“ П. П. Захаровымъ написанъ цѣлый рядъ новыхъ декораций, сдѣлана раздвижная занавѣсъ, углублена и почти невидима для публики суфлерская будка. Соболюшковъ обращаетъ вниманіе на всѣ мелочи, обо всемъ заботится и это за полтора мѣсяца до начала сезона. Мы къ этому не привыкли.

Привожу составъ труппы въ алфавитномъ порядкѣ. Г-жи Вульфъ, Донская, Кручинина, Кручинина-Валуа, Карелина, Лысенко, Маратова, Миличъ, Разсказова, Разсказова 2-я, Райская, Славатинская, Соколовская, Соловцова, Юдина. Гг. Арди, Богдановскій, Валуа, Васильевъ, Дубенскій, Драичинъ, Кручининъ, Крамольниковъ, Картевъ, Куликовъ, Кубанскій, Лидинъ, Соболюшковъ, Соколовъ, Субботинъ, Урванцовъ (главный режиссеръ). На первые спектакли намѣчено: „Чайка“, „Бой бабочекъ“, „Борьба за престолъ“, „Король“, „Воевода“ (Сонъна Волгѣ), „Пробужденіе весны“, „Ренессансъ“, „Сестра Беатриче“, „Хорошенькая“, „Принцесса Грезъ“, „Война“ Евреинова, (лучшая изъ пьесъ, по моему мнѣнію, за послѣднее время), „Дуракъ“, и пр.

В. Камішевъ.

Саратовъ-Назань. Составъ оперной труппы г. Мандельштама: сопрано: г-жи Стеценко, Боброва, Пасхалова; меццо-сопрано: г-жи Камина, Мышецкая и Михайлова; тенора: гг. Борисенко, Чаровъ и италіанскій теноръ Джузеппо Морри; баритоны: гг. Образцовъ, Горленко, Соловьевъ; басы: Державинъ и Серебряковъ.

Севастополь. 20-го августа открылись спектакли украинской труппы С. А. Глазуненко.

Тифлисъ. Драматическая труппа г-жи Питовой въ „Артист. О-въ“ открываетъ сезонъ 22-го сентября. Съ 5-го начинается репетиція.

По понедѣльникамъ и средамъ, когда театральнй залъ „Артистическаго о-ва“ будетъ занятъ армянскими и домашними спектаклями, труппа предполагаетъ давать общедоступные спектакли въ томъ-же составѣ въ Зубаловскомъ народномъ домѣ, если къ тому времени въ немъ будетъ устроено электрическое освѣщеніе.

— Составъ оперной труппы, сформированной А. А. Эйхенвальдомъ для казеннаго театра на зимній сезонъ 1908—1909 гг. Сопрано: драматическое—г-жа Викшемская, лирическое—г-жа Пасхалова, лирико-колоратура—г-жа Осипова и М. Феррари, меццо-сопрано—г-жа Лаврова, Пушечникова и Каменнина. Контральто—г-жа Прево, комприаріи—г-жи Н. Феррари, Заславская и Афанасьева. Тенора—гг. Борисенко, Черновъ, Волгинъ и Карелинъ. Баритоны—гг. Зелинскій, Смирновъ и Евлаховъ. Басы—гг. Сергѣевъ, Улухановъ, Россолимо и Лутчевъ. Комприаріи—гг. Зиновьевъ, Мухинъ и Васильевъ. Дирижеры—гг. Эйхенвальдъ, И. Палиевъ и Гинзбургъ. Концертмейстеръ—г. П. Палиевъ. Режиссеры—гг. Улухановъ и Кравецкій. Суфлеръ—Бауеръ.

Харьковъ. Здѣсь организуется кружокъ, предполагающій, въ теченіе зимняго сезона ставить оперы на сценѣ народнаго театра на Основѣ.

— Намъ пишутъ: Сезонъ въ городскомъ театрѣ открывается 16-го сентября „Плодами просвѣщенія“ Л. Н. Толстого. Окончательно сформированный составъ труппы А. Н. Соколовскаго состоитъ изъ слѣдующихъ персонажей: г-жъ Весеньевой, Жихаревой, Ильнарской, Кварталовой, Кравченко, Янушевой, Ворониной и Славичъ, гг. Бороздина, Бартеньева, Вѣлгородскаго, Колобова, Мурскаго, Орскаго, Скуратова, Тианова, Кудрявцева и Ячменева. Режиссеры—гг. Александровъ, Соколовскій и Гутманъ. Изъ новинокъ въ первую очередь пойдутъ: „Казенная квартира“ В. Рышкова, „Сполохи“, В. Тианова, „На перепутьи“ Н. Ходотова, „Дуракъ“ Фульда, „Сумерки любви“ Бракко, „Ихъ четверо“ Запольскій и др.

Что касается опернаго театра, то сезонъ откроется, вѣроятно, 21-го сентября, въ воскресенье, такъ какъ много времени потребуетъ установка декораций, доставка которыхъ изъ Тифлиса только теперь началась. Труппа прибываетъ изъ Екатеринодара къ 15-ому сентября. Извѣстно, что въ составъ вошли пока г-жи Окунева, Овсянникова, Нѣгина, Де-Рибасъ, Авдакова, Добржанская, Рыбинская, Порѣцкая, гг. Большаковъ, Платоновъ, Сунцовъ, Зелинскій, Цыгоевъ, Вережняговскій, Муратовъ, Гавриловъ, Гриневъ, Де-Роберти и др.

Театръ Муссури будетъ готовъ въ серединѣ октября и первое время въ немъ будутъ полуцирковыя представленія, —прійдетъ Дуровъ и проч. Только съ Рождества начнетъ въ немъ Суходольскій, который останется здѣсь въ „Тиволи“ до 5 сентября, а затѣмъ ѣдетъ въ Баку.

Что будетъ въ началѣ сезона въ Маломъ театрѣ еще не извѣстно. Съ Рождества тамъ будетъ играть опереточное товарищество подъ управл. Рафальскаго, оставившее здѣсь о себѣ очень хорошее воспоминаніе.

Предполагавшіеся въ циркъ-театрѣ Грикке представленія драматической труппы г. Соколовскаго (его уполномоченный г. Сорочанъ поѣхалъ въ Москву формировать таковую) не могутъ состояться, такъ какъ г. Грикке сдать свое зданіе подъ циркъ бр. Никитиныхъ въ виду того, что циркъ, принад-

лежащій послѣднимъ, признанъ въ противопожарномъ отношеніи опаснымъ и подлежащимъ сносу. Бр. Никитины сняли помѣщеніе у г. Грикке только на дняхъ. Такимъ образомъ, въ началѣ сезона харьковцамъ вмѣсто двухъ драмъ предстоитъ удовольствіе имѣть два цирка,—удовольствіе, конечно, сомнительное, но за то гарантирующее успѣшное веденіе дѣла въ городскомъ театрѣ, ибо въ настоящее время это послѣднее настолько сложно, что дай Богъ силы справиться съ нимъ однимъ.

Ялта. 15 августа сгорѣлъ до тла деревянный циркъ Безко-ровайнаго, гдѣ давала свои представленія труппа Р. Баланотти. Во время представленія вдругъ послышались тревожные крики „пожаръ“. Произошелъ страшный переполохъ. Въ паническомъ страхѣ публика бросилась къ выходу; началась давка. Дамы падали отъ напора толпы. Борцы образовали цѣпь, которой регулировали движеніе публики. Прибывшіе матросы вытаскивали изъ толпы массу дѣтей и подростковъ. По счастливой случайности, катастрофа обошлась безъ человѣческихъ жертвъ. Сгорѣли только двѣ цирковыя собаки и обожжена спина у лошади. Благодаря сухой и вѣтренной погодѣ, деревянное зданіе сгорѣло въ 15—20 минутъ. Часть кассовыхъ денегъ расхищена въ сумятицѣ. Погибло также въ огнѣ все имущество цирковыхъ артистовъ.

Маленькая хромика.

*** Какъ обращаются съ артистками нѣмецкіе антрепренеры. Парижская „дивета“ Мальти, по болѣзни—не знаемъ фактической или фиктивной—не поѣхала въ Ганноверъ, а выступила въ Ганза-театрѣ въ Гамбургѣ.

Въ одно прекрасное утро къ ней въ отель „постучался“ антрепренеръ вмѣстѣ съ полицейскимъ, описавъ ея имущество и, вдобавокъ, отвелъ въ темницу. По германскому закону, п.з. иску, если придется оттънокъ злостнаго отказа отъ уплаты, возможно личное задержаніе, особенно по отношенію къ иностранцамъ. Мальти провела въ тюрьмѣ цѣлый день, и только къ вечеру ее освободили по настоянію французскаго консула.

Какова энергія у нѣмецкихъ антрепренеровъ!

*** Въ газетахъ находимъ нѣкоторыя подробности о смерти баритона Онѣгина, скончавшагося отъ холеры. „Въ день своей смерти,—сообщаетъ газета съ точностью—онъ съѣлъ четыре порціи сосисокъ съ капустою, запивая ихъ холоднымъ квасомъ“. Кстати припоминаются факты изъ прошлаго. Въ холеру 1895 г. двѣ артистки нижегородскаго театра покушались раковъ, а потомъ искупались въ Волгѣ. Къ утру онѣ умерли.

Слѣдуетъ вообще замѣтить, что актеру больше, чѣмъ кому бы то ни было, слѣдуетъ быть воздержнымъ въ пищѣ. При переполненномъ желудкѣ голосъ звучитъ глухо, темпераментъ становится вялъ. По настоящему въ день спектакля слѣдуетъ обѣдать не позже 1 часу дня, и затѣмъ ужинать. Оперные же пѣвцы часто ограничиваются только бульономъ съ утра.

*** Новый режиссеръ Малаго театра, Н. Н. Арбатовъ, завелъ особую картограмму для статистики участія актеровъ въ спектакляхъ. Картограмма шириною въ добрую сажень виситъ въ режиссерской. Имъ же заведена особая книга для записи хроники театра, причемъ послѣдняя часть названа „Мерзавка“, по провинциальному выраженію, и являетъ собою нѣчто вродѣ штрафнаго журнала.

*** Въ Петербургѣ сейчасъ гоститъ директоръ лондонскаго Гарриксъ-театра. Цѣль его пріѣзда ознакомленіе съ русскими театрами. Вышла, однако, маленькая ошибка. Онъ запросилъ, когда у насъ начинается сезонъ. Ему отвѣтили, что около 1-го сентября. Но онъ забылъ, что у насъ „стиль“ совсѣмъ особый—на 13 дней позади европейскаго, и пріѣхалъ слишкомъ рано. Пока лондонскій гость каждый вечеръ присутствуетъ въ Маломъ театрѣ.

„Двѣнадцатая ночь“.

„Двѣнадцатой ночи“ Шекспира чрезвычайно какъ-то повезло. Ставятъ ее въ Петербургѣ, ставятъ въ Москвѣ, ставятъ въ Берлинѣ. Про Н. А. Попова я читалъ даже,—не знаю, насколько вѣрно—что онъ эту шекспировскую комедію ставитъ сначала въ Москвѣ, потомъ въ Петербургѣ, а можетъ быть, наоборотъ. Въ Берлинѣ комедія идетъ у Рейнгартъ; въ театрѣ Литературно-Художественнаго Общества ея дебютируетъ новый режиссеръ, талантливый Н. Н. Арбатовъ. Чѣмъ же, однако, эта комедія Шекспира такъ особенно замѣчательна среди другихъ произведеній великаго поэта? Въ ней нѣтъ ни глубокой психологіи „Укрощенія строптивой“, ни граціи „Много шума изъ ничего“, ни волшебной поэзіи „Сна въ лѣтнюю ночь“, ни очаровательнаго сплетенія драматическихъ и

комическихъ элементовъ, какъ въ нѣкоторыхъ другихъ комедіяхъ Шекспира. Конечно, гениальность автора сказывается и въ „Двѣнадцатой ночи“. И тутъ сверкаютъ алмазы лирическаго воодушевленія, остроумія, блестятъ и переливаются какъ скалды „беззаботной жизни“, которая составляетъ божественный даръ Шекспира. Но все это въ меньшей мѣрѣ, чѣмъ въ другихъ комедіяхъ; интрига здѣсь наименѣе занимательная, наиболѣе, пожалуй, неправдоподобная (особенно на нашъ взглядъ)—разительное сходство не только лицомъ, но надо полагать, и фигурой, между братомъ и сестрой, которыхъ принимаютъ одного за другую; дѣйствія, въ сущности, нѣтъ; нѣтъ и развитія характеровъ или оно едва намѣчено. Пять актовъ „Двѣнадцатой ночи“ можно сжать въ одинъ, но можно, если угодно, растянуть и въ двѣнадцать, до того ходъ событій независимъ отъ интриги. Шутить вѣдь можно и часъ, и два, и три, и сутки—сколько хотите. Шекспиръ здѣсь какъ будто играетъ на одной только струнѣ своей музыки—позволю себѣ столь банальную метафору. То, что есть въ „Двѣнадцатой ночи“, имѣется и въ другихъ комедіяхъ Шекспира—беззаботная, шумная, полу-сказочная жизнь „старой, веселой Англіи“.

Но за то въ этой комедіи нѣтъ многого, что есть въ другихъ.

Чѣмъ-же, однако, объясняется такое исключительное вниманіе къ „Двѣнадцатой ночи“? Должна же быть какая-нибудь причина. Что вы думаете, напримѣръ, о такомъ предположеніи: „Двѣнадцатая ночь“ отъ того такъ часто ставится въ послѣднее время—и при томъ подъ разными широтами—что комедія носитъ также и другое названіе: „Что хотите“. По русски—„что хотите“ по-нѣмецки—„was sie wollen“. Шекспиръ написалъ эту комедію специально на заказъ. Онъ смотрѣлъ на пьесу скорѣе какъ на либретто для режиссера, чѣмъ на литературно-драматическое произведение. Въ этомъ смыслѣ не лишено значенія то обстоятельство, что пьеса „Двѣнадцатая ночь“ не сразу попала въ изданіе сочиненій Шекспира, а только спустя извѣстное время. Очевидно, для перваго изданія авторъ не считалъ комедію достаточно значительной. „Что хотите“—то и дѣлайте: пляшите, пойте, остригите, кувыркайтесь. Это такъ сказать *commedia dell'arte* въ репертуарѣ Шекспира.

Центральная комическая фигура въ „Двѣнадцатой ночи“—Мальволио—также не совсѣмъ обычна для Шекспира. Мальволио имѣетъ черты преходящаго, зловѣщаго. Это не столько отвлеченіе комическихъ свойствъ извѣстнаго рода, присущихъ человѣческой душѣ, въ законченный образъ, сколько памфлетъ, каррикатура на пуританина эпохи. Оттого Мальволио для насъ не совсѣмъ понятенъ. Мальволио слѣдуетъ играть не такъ, какъ обыкновенно играютъ Шекспира—какъ вѣчный психологическій портретъ въ „мгновеніи“ XVI и XVII вѣковъ,—но исторически, какъ ханжу пуританства, предтечу кромвелевской эпохи, въ комическихъ, лицемѣрныхъ, отталкивающихъ чертахъ этого типа.

Вообще, я люблю гораздо больше Шекспира другихъ комедій, нежели „Двѣнадцатой ночи“. Полагаю, что и актеры больше любятъ прочія комедіи Шекспира. Но за то, очевидно, „Двѣнадцатую ночь“ очень любятъ режиссеры. А такъ какъ сейчасъ театр—это режиссеръ, то ясно, почему на „Двѣнадцатую ночь“ существуетъ такая мода. „Что хотите“—говоритъ Шекспиръ. Собственно говоря—отвѣчаютъ режиссеры—можно было-бы обойтись и безъ вашего разрѣшенія, почтеннѣйшій Вильямъ, но, впрочемъ, мерси: съ вашего благословенія сподручнѣе“...

Н. Н. Арбатовъ—режиссеръ съ фантазією, одаренный темпераментомъ, умѣющий выдумывать. И въ „Двѣнадцатой ночи“ онъ далъ нѣсколько интереснѣйшихъ образцовъ режиссерской выдумки. Что за прелесть, напримѣръ, его „хоръ“ полицейскихъ, проходящій съ пѣніемъ съ наступленіемъ темноты! У Шекспира на это нѣтъ никакихъ указаній. Этотъ дивертисментъ весь отъ режиссера. Великолѣпно подобраны звуки трубъ въ дальнѣйшемъ. Самая мысль поставилъ „Двѣнадцатую ночь“ въ одной декорации—остроумна и интересна. Пришлось-бы занять слишкомъ много мѣста, чтобы перечислить все красочное, яркое и живописное, что придумалъ Н. Н. Арбатовъ. Самое цѣнное въ г. Арбатовѣ это то, что въ его выдумкахъ всегда кипитъ жизнь, что онъ не терпитъ на сценѣ вялости, что сцена у него всегда какая-то „неупокоенная“.

И однако вотъ что замѣчательно: режиссеръ бодръ, неутомимъ, полонъ воображенія, тревоги и темперамента, а представленіе смотрится съ интересомъ все болѣе и болѣе падающимъ и понижающимся. Конечно, надо учесть все, что я говорилъ выше о самой комедіи; необходимо считаться и съ тѣмъ, что далеко не всѣ исполнители были на высотѣ задачи. Но въ то же время слѣдуетъ согласиться и съ тѣмъ, что какъ это ни странно на первый взглядъ, впечатлѣнію мѣшалъ слишкомъ дѣятельный, подвижный режиссеръ, который, естественно, желаетъ быть всюду и заполнить собою всякую прорѣху сценическаго дѣйствія. Вышло такъ, что при сравнительно блѣдныхъ клѣткахъ индивидуальнаго дѣйствія, на шахматной доскѣ сцены выдѣлялись густо зачерченныя клѣтки режиссерскаго дѣйствія; что аккомпанементъ, оркестровка

слишкомъ густы для солистовъ, что самый темпъ пьесы, взятый г. Арбатовымъ правильно т. е. быстрымъ и легкимъ, замедлялся и тяжѣлъ отъ того, что оживляющихъ интермедій и интерлюдій, сценическихъ вставокъ, движенія, веселыхъ ужимокъ было слишкомъ много. Представьте себѣ, напримѣръ, тему какой-нибудь граціозной и легкой польки съ затѣпчивымъ, хотя бы и такимъ же легкимъ аккомпаниментомъ и множествомъ легкихъ варіацій. Это, несомнѣнно, утомитъ слушателя.

„Слишкомъ много режиссера“—вотъ болѣзнь нынѣшняго театра. „У нея слишкомъ много лица“—слышалъ я про одну актрису мѣткое слово. Этимъ вовсе не хотѣли сказать, что актриса некрасива. Наоборотъ, лицо у нея было красивое. Такъ и тутъ. „Слишкомъ много талантливаго режиссера“—это тоже недостатокъ. Представьте же, что получается, сплошь и рядомъ, когда слишкомъ много плохого, тупого и самонадѣяннаго режиссера, не имѣющаго и сотой доли чутя, темперамента и воображенія Н. Н. Арбатова!..

Я очень люблю Н. Н. Арбатова, нѣкоторыми постановками его искренно восхищался. Это случалось какъ разъ тогда, когда онъ, блѣдный отъ волненія, нервно поправляя пенсне говорилъ:

—Что вы хотите! Вышло на слѣхъ! Не успѣли! Черновая работа!

Вотъ именно-тутъ то и получалась настоящая гармонія. Нѣсколько талантливыхъ штриховъ, взятый по художественному чутью вѣрный темпъ, яркость общаго пятна, не раздробленнаго на подробности, давалъ иногда жизнь, плоть и кровь такимъ пьесамъ, которымъ, безъ заразительной жизненности его воображенія, неминуемо грозилъ провалъ. Таковы, напримѣръ, „Варвары“ Горькаго. Но *amicus Plato sed magis amica—veritas*. Я убѣжденъ, что въ дальнѣйшемъ репертуарѣ, когда за недосугомъ придется поневолѣ себя ограничить, и надобно будетъ ставить не „Что хотите“, а „Что успѣется“, дарованіе Н. Н. Арбатова обнаружится въ полной мѣрѣ.

Исполнителями въ „Двѣнадцатой ночи“ выступили г-жа Борская, Кирова, Порчинская, г-г. Хворостовъ, Бастуновъ, Шатовъ, Сладкопѣвцевъ, Чубинскій, Шмитгофъ и др. Въ исполненіи нѣкоторыхъ ощущалась извѣстная напряженность. Г-жа Борская, напримѣръ, повидимому, способная артистка, чувствовала себя нѣсколько связанной въ роли Виолы. Правда, что и роль эта требуетъ огромнаго опыта, необычнаго сценическаго самообладанія, развязности, не нарушающей изящной граціи; что въ этой роли весь букетъ шекспировскихъ женщинъ, и вѣчно-женственное сердца и вѣчно женственное ума; что необходимо соединить „робость нѣжную движеній, прелесть нѣги и стыда“ съ аллюрами кавалера. Роль колоссальная, и я рѣшительно затрудняюсь сказать, кому она сейчасъ подѣ силу. Г-жа Кирова, которую я знаю, какъ талантливую артистку, также слегка оробѣла, и потому передача роли Маріи, въ общемъ и цѣломъ, была лишена надлежащей выпуклости. Извѣстное напряженіе чувствовалось и въ комизмѣ г. Сладкопѣвцева—Эгчика, и въ игрѣ г. Шатова—шута. Надо думать, что съ теченіемъ времени, все это обойдется, и что лирическія сцены—эти сонеты Шекспира, словно овѣянные поэзією луны (помните „Въ такую ночь“?)—силнѣе будутъ выдвинуты въ пьесѣ. Г. Хворостовъ увѣренно сыгралъ Мальволио, и понравился публикѣ. Должно однако замѣтить, что въ Мальволио необходимо подчеркнуть черты Тартюфа,—внутреннюю плотоядность сквозь сухую маску пуританина. Тогда становится понятнѣе смыслъ шутки, антимомія жизнерадостной „доброй, старой“ Англіи и пуританскаго лицемѣрія. Хороши г-г. Бастуновъ, Мячинъ и Чубинскій. Послѣднему все-таки слѣдовало бы чуточку поменьше „играть“.

Прекрасные костюмы и декорации дѣлаютъ честь театру. Но почему такъ мало „ночи“?—луны, звѣздъ, дремотнаго воздуха, темно-голубого полога? У Шекспира въ душѣ закигается поэзія вмѣстѣ съ звѣздами на небѣ. Его сонеты всегда вечерніе; его лирика окроплена росой, какъ кустъ душистыхъ розъ, а его любовь стыдливо-прекрасна, какъ таинственный шопотъ мерцающей ночи.

Нотто новис.

Къ семидесятипятилѣтію перваго изданія „Поре отъ ума“.

1833 $\frac{21}{\text{VIII}}$ 1908

„Поре отъ ума“ положило начало русскому художественному театру, и замѣчательная судьба этого произведенія на сценѣ и въ печати никогда не перестанетъ привлекать къ себѣ всеобщаго вниманія.

Несмотря на то, что грибоѣдовская комедія доживаетъ послѣднюю четверть столѣтія со времени

созданія ея (въ 1823 году), исторія этого произведенія, какъ и біографія его автора, остаются все-же плохо и мало извѣстными. Ранняя смерть поэта, такъ и не дождавагося послѣ долготѣннихъ мытарствъ разрѣшенія, ни на представленіе на сценѣ своей комедіи, ни на напечатаніе ея цѣликомъ *), и много другихъ независимыхъ отъ автора обстоятельствъ привели къ тому, что даже текстъ знаменитой комедіи до настоящаго времени не установленъ окончательно, открывая широкое поле для всевозможныхъ вставокъ, поправокъ, дополненій и т. п. Виноватъ, конечно, и тотъ запретъ надъ именемъ Грибоѣдова, который установился въ русской печати со дня трагической его кончины въ Тегеранѣ, и тяготѣвшій и надъ его комедіей, хотя она въ тысячахъ списковъ была уже распространена по Россіи, и давалась на столичныхъ сценахъ, правда въ урѣзанномъ, обезображенномъ цензурою видѣ.

Вопросъ о напечатаніи «Горя отъ ума», похороненный при авторѣ, возбужденъ былъ наслѣдниками его литературной собственности въ 1831 г., но рукопись попала въ третье отдѣленіе, и дѣло тянулось до 1833 года, когда книгопродавецъ Глазуновъ, купившій право на изданіе «Горя отъ ума» у сестры поэта, попытался представить въ московскую цензуру списокъ «Горя отъ ума» для пропуску его въ печать. Московскій цензоръ Левъ Цвѣтаевъ далъ объ ней слѣдующій въ высшей степени курьезный отзывъ. Вотъ, что донесъ онъ цензурному комитету 24 марта 1833 года: «онъ читалъ рукопись «Горе отъ ума», комедію, сочиненіе А. С. Грибоѣдова, и нашелъ, что въ 1 и 2 явленіяхъ 1-го дѣйствія представляется благородная дѣвушка, проводшая съ хо-

лостымъ мужчиною цѣлую ночь въ своей спальнѣ, и выходящая изъ оной съ нимъ вмѣстѣ безъ всякаго стыда; а въ 11 и 12 явленіяхъ 4-го дѣйствія та же дѣвушка присылаетъ послѣ полуночи горничную свою звать того же мужчину къ себѣ на ночь и сама выходитъ его встрѣчать, что онъ, цензоръ, находя сіи сцены противными благопристойности и нравственности, одобрить сей рукописи къ печатанію на основаніи § 3 ст. 3 цензурнаго устава не можетъ».

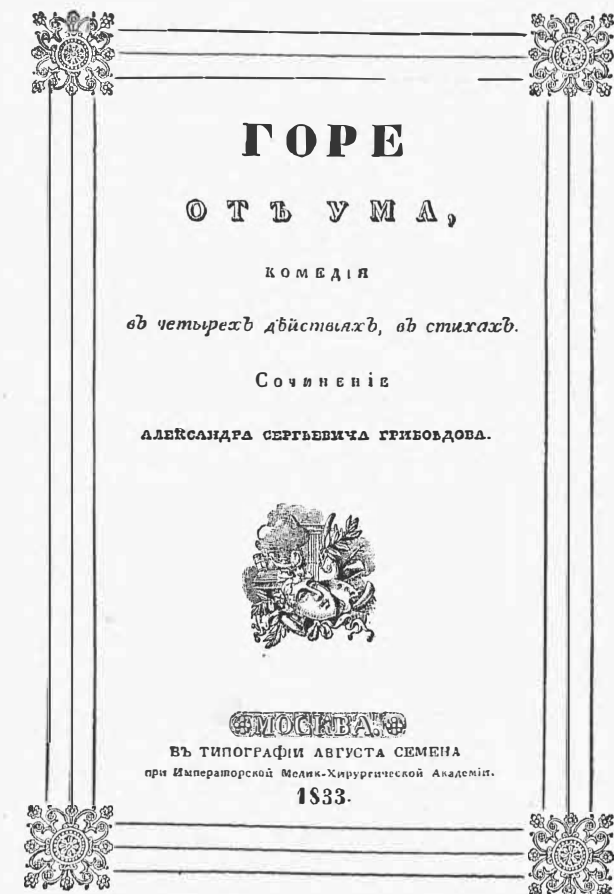
Московскій цензурный комитетъ, состоявшій подъ предсѣдательствомъ попечителя округа Голохвастова, призналъ этотъ замѣчательный отзывъ «совершенно справедливымъ» и только потому направилъ рукопись въ Петербургъ въ главное управленіе цензуры, что былъ смущенъ представленіями «Горя отъ ума» на сценѣ Императорскихъ театровъ въ Москвѣ. Главное управленіе, состоявшее подъ предсѣдательствомъ вновь назначеннаго управляющимъ министерствомъ знаменитаго С. С. Уварова (впослѣдствіи графа), выразило полную солидарность съ мнѣніями цензора и комитета и признало, что «комедія по направленію своему и общему духу» не можетъ быть дозволена къ напечатанію, но не рѣшилось безъ Высочайшаго соизволенія запретить пьесу, которая съ громаднымъ успѣхомъ шла на сценахъ обѣихъ столицъ. Государь Николай Павловичъ написалъ на докладной запискѣ Уварова о «Горѣ отъ ума» карандашомъ буквально слѣдующую резолюцію: «печатать слово отъ слова какъ играется можно; для чего взять манускриптъ изъ здешняго театра» *). Этой резолюціей пьеса была спасена для печати, но ею же была освящена редакція «театральнаго» списка «Горя отъ ума», положеннаго въ основу большаго изданія комедіи, прошедшаго черезъ грубую и невѣжественную цензуру 3-го отдѣленія С. Ф. И. В. канцеляріи, вѣдавшей тогда цензуру пьесъ. Министръ двора, на просьбу Уварова доставить экземпляръ, по которому играется «Горе отъ ума», многозначительно добавилъ, препроводя рукопись, что «хотя пьеса сія въ первое представленіе на здѣшнемъ театрѣ и была играна слово отъ слова по цензурованной рукописи, но въ послѣдствіи монологъ Фамусова (2-го дѣйствія въ 1 явленіи), ***) отмѣченный въ пьесѣ карандашомъ, включенъ по распоряженію театральнаго начальства». А Уваровъ, предписывая московскому попечителю исполнить въ точности резолюцію государя, приказалъ выпустить не только монологъ Фамусова, отмѣченный карандашомъ, но и «относящіеся къ нему выраженія въ роли Чацкаго». Такимъ образомъ, только въ силу царской резолюціи, въ обезображенномъ и сокращенномъ видѣ, московскій цензоръ, тотъ-же Левъ Цвѣтаевъ, долженъ былъ подписать 21 августа 1833 года цензурное дозволеніе къ печати «неблагопристойной» и «безнравственной» пьесѣ.

Горе отъ ума. Комедія въ 4 дѣйствіяхъ, въ стихахъ. Сочиненіе Александра Сергѣевича Грибоѣдова. Москва. Въ типографіи Августа Семена, при Императорской медико-хирургической Академіи 1833.—Такъ гласила заглавная страница перваго русскаго изданія, украшенная комической маской. Книга in 8°, въ 167 страницъ, разгонистымъ шрифтомъ, продавалась по 10 руб. на ассигнаціи и быстро раскупалась, не смотря на крупные пропуски въ каждомъ актѣ и искаженія текста, встрѣчавшіеся на каждой страницѣ.—«Наконецъ вотъ

*) Въ альманахѣ „Булгарина“, „Русская Талія“ на 1825 г. автору удалось съ цензурными сокращеніями помѣстить только 3-й актъ комедіи и нѣсколько явленій перваго.

*) Орфографія подлинника.

**) Дѣло шло конечно, о 2-мъ явленіи указаннаго акта, о разсказѣ Фамусова о подвигахъ Максима Петровича.

Заглавная страница 1-го изданія „Горя отъ ума“.

она, эта знаменитая русская комедія!»—привѣтствовалъ первое ея появленіе «Московскій Телеграфъ» а за нимъ и вся печать^{*)}—«Наконецъ она не скользитъ среди публики, какъ тать, какъ запрещенный товаръ безъ клейма, какъ умный мѣщанинъ среди надутыхъ аристократовъ, какъ тетрадь между книгами! Она сама книга, предназначенная пережить много книгъ».—И дѣйствительно, съ тѣхъ поръ въ теченіе 75 лѣтъ «Горе отъ ума», переведенное на европейскіе и восточные языки, выдержало около сотни изданій, распространилось не въ десяткахъ, а въ сотняхъ тысячъ экземпляровъ^{**)}. Но, къ сожалѣнію, текстъ комедіи остается и донинѣ не обслѣдованнымъ съ должной строгостью, до сихъ поръ нѣтъ изданія, которое воспроизводило бы вполне научно конечный текстъ комедіи въ сопоставленіи съ первоначальнымъ, съ обзоромъ всѣхъ накопившихся вариантовъ и ихъ анализомъ, съ серьезнымъ комментариемъ. Нѣтъ и сборника критическихъ статей о «Горѣ отъ ума», которыя бы обрисовывали намъ взглядъ русской критики на гениальное произведеніе въ постепенномъ ея развитіи. Нѣтъ сколько-нибудь вѣрной біографіи великаго писателя. Только недавно «Горе отъ ума» удостоилось дѣйствительно достойной постановки, вѣрнѣе обстановки отъ московскаго Художественнаго театра, такъ какъ текстъ комедіи, по которому исполняется великое произведеніе на сценѣ прославившагося театра, представляетъ изъ себя такую безцеремонную по произволу смѣсь первоначального, чернового текста съ конечнымъ, художественно-отдѣланнымъ текстомъ комедіи, утвержденнымъ самимъ поэтомъ, что становится обидно за великаго Грибоѣдова... А Императорскій Александринскій театръ поступилъ еще лучше. Онъ вовсе снялъ съ репертуара «Горе отъ ума». По крайней мѣрѣ, въ прошломъ году комедія не была поставлена ни разу,—и это, имѣя въ составѣ труппы лучшаго исполнителя роли Фамусова,—за то «Холопы» то и дѣло появлялись на афишѣ... Неужели и въ этомъ году повторится то же, и мы не увидимъ обновленнаго и достойнымъ образомъ поставленнаго «Горя отъ ума»?

N.

Художественная толпа и ея обидчики.

Немного странное на первый взглядъ названіе «художественная толпа» не покажется страннымъ, если подойти къ нему просто и прямо, не мудрствуя лукаво.

Есть толпа «любопытствующая»—и ее всякому приходилось видѣть на улицахъ во время любого скандала, есть толпа воинствующая, толпа политическая (митинговая, напримѣръ)—ну да и мало ли еще можно насчитать подобныхъ типовъ толпы, стоящихъ въ зависимости отъ цѣлей, съ которыми люди вообще собираются въ толпу... Вотъ, въ этомъ смыслѣ можно говорить и про «художественную» толпу въ отличіе хотя-бы отъ толпы художниковъ.

Толпа, которая ищетъ художественныхъ наслажденій, которая идетъ наслаждаться художественными зрѣлищами, которая опредѣляетъ успѣхъ художественныхъ произведеній—такая толпа и можетъ быть условно названа «художественной»; особенности ея

Изъ англійскихъ иллюстрацій къ моднымъ 'пьесамъ'.
«Напрасный страхъ».

психологии какъ таковой и интересуютъ меня въ данный моментъ.

Этотъ вопросъ отчасти мнѣ хотѣлось-бы сейчасъ поставить въ связь съ двумя статьями, помѣщенными на страницахъ «Театра и Искусства» (въ послѣднихъ №№). Это со статьею Ростиславова «Эстрада» и эскизомъ А. З—ра «Въ саду».

Послѣдній эскизъ, не претендующій, конечно, на изслѣдованіе этого вопроса, однако весьма опредѣленно ставитъ его. Да проститъ мнѣ его авторъ, эскизъ этотъ крайне примитивно разрѣшаетъ столь сложный вопросъ да еще на неудачномъ примѣрѣ искусства сомнительнаго качества и тѣмъ не менѣе этотъ художественный набросокъ особенно любопытенъ, ибо представляетъ изъ себя тоже мнѣніе толпы—хотя-бы мнѣніе людей, считающихъ себя «призванными» по отношенію къ людямъ «не призваннымъ»—черни.

Не въ защиту этой черни (толпы или публики)—въ этомъ она и не нуждается—а въ попыткѣ подойти къ ея психологіи мнѣ и хотѣлось-бы привести нѣсколько соображеній.

Хотя-бы мнѣніе у людей «призванныхъ» къ искусству—творцовъ-художниковъ (особенно характерно и рельефно выявляющееся въ творчествѣ и взглядахъ вообще такъ называемыхъ художниковъ-модернистовъ)—это рѣзкое раздѣленіе творца-худож-

*) «Моск. Телегр.» 1833 г. № 18, сентябрь.

**) Одинъ А. С. Суворинъ въ «Дешевой Библіотекѣ» распродалъ 162.000 въ 17 изданіяхъ комедіи.

ника съ одной стороны и толпы съ другой; кстати сказать толпы, для которой однако въ концѣ концовъ художникъ и творитъ и отъ которой ждетъ отзвука на свое творчество.

Индивидуализмъ въ творествѣ послѣднихъ лѣтъ пытался и пытается сдѣлать еще глубже, еще непроеходимѣе пропасть между творцемъ и публикой—чернью («чиновниками» у З—ра).

Получается въ концѣ концовъ впечатлѣніе, что творитъ только художникъ, а чернь слушаетъ, воспринимаетъ и какъ дитя безъ всякихъ резонансовъ то возвышаетъ, то унижаетъ артиста и унижаетъ его больше изъ зависти, что онъ стоитъ какъ бы «надъ нею»...

Сознательно или безсознательно художникъ и его обожатели забываютъ, что основы художественнаго творчества (фантазія, воображеніе)—все это свойственно всѣмъ людямъ въ той или иной мѣрѣ, что это есть такое-же свойство нашей душевной жизни какъ вниманіе, память, чувство, эффектъ, настроеніе и т. п.

Разница между извозчикомъ и Львомъ Толстымъ въ этомъ отношеніи лишь количественная, а не качественная; если извозчику можетъ быть недоступно въ полной мѣрѣ наслажденіе красою большей части произведеній Толстого, то въ этомъ виновато отсутствіе у перваго знаній многаго изъ того, что знаютъ люди образованные, отсутствіе возможности воспитываться на художественныхъ образцахъ и т. п.

Однако и при этихъ отрицательныхъ условіяхъ онъ вполне можетъ огнѣнить, пережить, возстановить въ своей фантазіи фантазію автора во многихъ изъ его произведеній—хотя-бы въ разсказѣ Толстого «Много-ли человѣку земли нужно».

Если бѣ художественной фантазіей толпа не обладала, то некому и незачѣмъ было-бы покупать книги художниковъ, не для кого-бы было дѣлать выставки картинъ, строить театры, а художники считались-бы самыми бесполезными людьми; однако человѣчество—тоже чернь, толпа, публика оплачиваетъ охотно и вполне резонно художественный трудъ въ лучшихъ его представителяхъ гораздо выше, чѣмъ трудъ чиновниковъ.

Художественное воображеніе, которое лежитъ въ основѣ всякаго творчества, неужели оно находится въ наличности только у того, кто его проявилъ въ формѣ картины, литературнаго произведенія, музыкальной пьесы или сценическаго изображенія на подмосткахъ?

Актеръ и сойдя съ подмостковъ остается художникомъ, литераторъ, прекратившій творить, также остается художникомъ. Я этимъ не хочу сказать, что тотъ, кто ничѣмъ себя не проявилъ на художественномъ поприщѣ—тоже художникъ—вовсе нѣтъ.

Я хочу сказать лишь, что основные элементы художника есть у всякаго человѣка, если онъ не душевно больной, если онъ способенъ воспринимать окружающую дѣйствительность и комбинировать получаемыя имъ представленія, а въ послѣднемъ и кроется способность къ фантазіи (и въ частности къ художественной фантазіи). Люди, у которыхъ фантазія направлена не въ сторону художественную, тратятъ ее на другое дѣло и въ театрѣ, романѣ, картинѣ или симфоніи и не нуждаются; но, если вы посмотрите вокругъ себя, такихъ людей среди культурной городской публики очень и очень мало.

Эти люди не войдутъ въ группу лицъ, составляющихъ художественную толпу какъ постоянный элементъ и не о нихъ идетъ у насъ сейчасъ рѣчь.

Разница въ степени развитія художественнаго

воображенія, конечно, у людей безконечно разнообразна количественно и гораздо менѣе—качественно.

Одинъ радъ, когда ему *удается* случайно получить художественное наслажденіе и поработать своей фантазіей, другой *ищетъ* этого самъ и даже жертвуетъ для того кое-какими житейскими благами и удобствами, третій *не можетъ* отдѣлаться отъ работы фантазии и долженъ выявить ее въ какой-нибудь формѣ, чтобы освободиться отъ этой навязчивой творческой работы (образа). Изъ послѣдняго типа людей и создаются художники-творцы, но и тутъ есть градации съ простыми смертными... При этихъ условіяхъ одинъ переводитъ свои фантазии на бумагу, успокаивается и прячетъ работу въ ящикъ письменнаго стола, другой импровизируетъ на рояли въ пустой гостиной и т. д.; но есть люди, которые не освобождаются отъ навязчивыхъ образовъ творческой фантазии до тѣхъ поръ, пока не подѣлятся ими съ другими людьми—это и есть тѣ люди, которыхъ мы обычно называемъ творцами-художниками и которыхъ такъ безконечно далеко хотятъ отодвинуть отъ ихъ младшихъ братьевъ—отъ всѣхъ тѣхъ людей, съ которыми они хотятъ дѣлиться своими творческими образами.

Такой пропасти между ними, какъ объ этомъ любятъ сейчасъ говорить, нѣтъ и не должно быть...

«Хоровое» начало въ сценическихъ зрѣлищахъ, о которомъ мечтаютъ нѣкоторые изъ современныхъ теоретиковъ сцены, не имѣетъ-ли въ основѣ тѣхъ именно соображеній, которыя мною только что высказаны.

Во всякомъ случаѣ только при этихъ условіяхъ оно и было-бы возможно, какъ было возможно въ отдаленномъ прошломъ этого искусства...

«Взыскательный художникъ» потому и взыскателенъ, что онъ несетъ другимъ въ даръ продукты своего творчества, ищетъ отзвука въ художественной фантазии той-же черни, огорчается, когда его не понимаютъ достаточно, а все-таки идетъ на люди, идетъ потому, что не можетъ не идти—иначе-бы этотъ взыскательный художникъ творилъ-бы только для себя и уничтожалъ бы продукты своего творчества.

Берлиозъ, кажется, болѣе чѣмъ кто-нибудь изъ творцовъ-художниковъ уничтожалъ многое изъ своихъ произведеній и прекращалъ ихъ распространеніе, но и то лишь послѣ того, какъ они были исполнены публично, не удовлетворили этого «взыскательнаго» художника и онъ счелъ ихъ недостойными болѣе идти на люди—на судъ художественной толпы.

И давно уже стоятъ многіе художники-творцы передъ этой странной коллизіей, или вѣрнѣе дилеммой: теоретически—презрѣніе къ черни (толпѣ), практически—служеніе ей, она высшій судъ, она говоритъ свое вліятельное послѣднее слово.

Среди разнообразныхъ искусствъ есть одно едва-ли не самое сложное и въ то же время самое наглядно-близкое людямъ—это сценическое искусство въ широкомъ смыслѣ этого слова—назовемъ его для ясности эстрадно-сценическое, ибо тогда сюда подойдет не только актеръ, но и пѣвецъ, музыкантъ и чтецъ—всѣ тѣ художники, которымъ приходится творить не въ тиши кабинета, а на глазахъ у публики-толпы.

Мы знаемъ, что за рѣдкими исключеніями, художники этого типа и при этихъ условіяхъ творящіе получаютъ отъ художественной толпы въ даръ за ихъ наглядное творчество такую-же наглядную благодарность въ смыслѣ внѣшняго успѣха и восторговъ—такихъ восторговъ, какіе рѣдко вы-

падаютъ самымъ крупнымъ художникамъ другого типа.

Виртуоза засыпаютъ цвѣтами, публика встаетъ въ восторгѣ «какъ одинъ человѣкъ», женщины цѣлуютъ руки мужчинамъ, выпрягаютъ лошадей изъ коляски и ведутъ или несутъ на рукахъ своего кумира его почитатели, широко, какъ нигдѣ, раздаютъ эпитеты «геніальный», «несравненная», «божественная», «высокоталантливый», называютъ актера «учителемъ жизни», «геніальнымъ толкователемъ Шекспира» и т. д. и т. д.

Гончаровъ могъ написать еще 10 такихъ романовъ, какъ «Обломовъ», Крамской или Рѣпинъ, Мусоргскій или Чайковскій могли дать намъ еще массу такихъ-же глубокихъ художественныхъ созданий, какія ими уже были даны, но при жизни ихъ успѣхъ никогда не сравнился-бы по наглядности съ успѣхомъ Яворской, Баратова, Глаголина, Мальскаго, Кавальери, Баттистини, или вообще съ успѣхомъ хотя-бы и дѣйствительно выдающихся художниковъ эстрадно-сценическаго характера.

При той громадной роли, которую сыгралъ Антонъ Рубинштейнъ для русскаго искусства помимо своей виртуозности какъ пианиста, въ немъ масса видѣла только послѣдняго и только пианисту — Рубинштейну адресовались крики съ хоръ на его юбилей — «Богъ, Богъ»...

Правда, этимъ художникамъ, живущимъ въ атмосферѣ нагляднаго успѣха, приходится на долю почти не считывать на посмертную славу, но вѣдь если-бъ и она приходила къ нимъ, то не «много-ли это было»? — ужъ очень неравномѣрно было-бы распределение славы между Толстыми, Достоевскими, Мопассанами, композиторами, художниками съ одной и эстрадно-сценическими дѣятелями съ другой стороны.

Высшая справедливость оставляетъ послѣднимъ славу лишь прижизненную и эту славу даетъ имъ художественная толпа въ полной мѣрѣ, а можетъ и немножко свѣше мѣры.

Эстрадно-сценическое положеніе—стояніе и духовно и даже физически «надъ толпой», претензія, чтобъ масса людей пришла, слушала и смотрѣла на одного человѣка—такое положеніе обязываетъ къ тому, чтобъ художникъ дѣйствительно стоялъ на этой высотѣ. Въ этомъ случаѣ толпа только справедлива, когда она за наглядное самопожертвованіе артиста—творчество на ея глазахъ—награждаетъ его наглядными знаками своего преклоненія и восторга, соглашаясь признавать его стоящимъ выше ея; но она также только справедлива, когда также наглядно выражаетъ свое негодованіе на претензію бездарности стать въ это исключительное положеніе («надъ толпой») — жалѣтъ этого претенціознаго творца нечего, какъ нечего и удивляться видимымъ знакамъ восторга въ первомъ случаѣ.

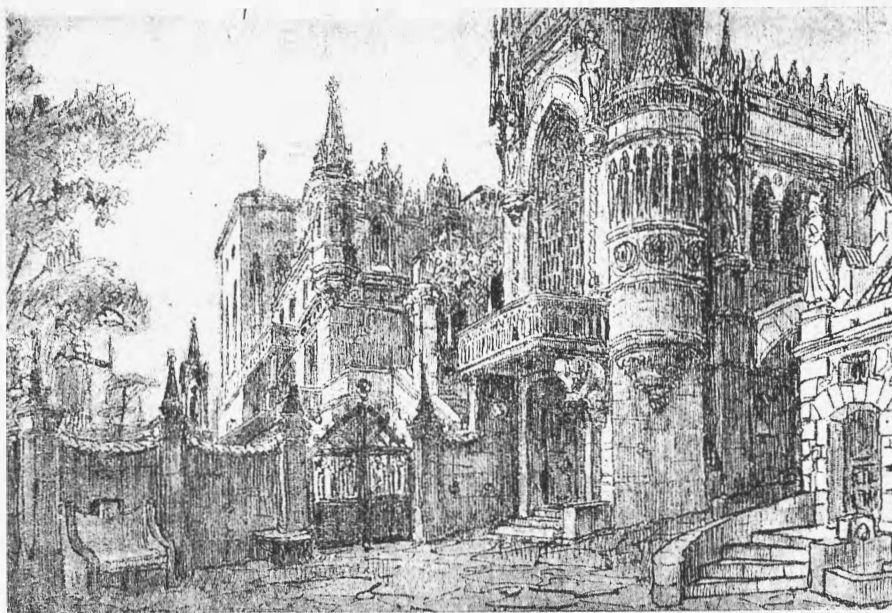
Мало того, когда талантливый литераторъ прекращаетъ свою творческую работу, онъ мнѣ остается все-таки нуженъ и дорогъ, ибо творческая часть его осталась въ его прежнихъ произведеніяхъ и я

ими могу наслаждаться—тоже по отношенію ко всѣмъ художникамъ-творцамъ, кромѣ эстрадно-сценическихъ.

Чуть только послѣдняго типа художникъ пошелъ, что называется, «на попираніе» — онъ долженъ разсчитывать и по всей справедливости на пониженіе къ нему интереса, уменьшеніе внѣшняго успѣха и даже на явно отрицательное отношеніе къ нему толпы — вѣдь она ждетъ его творчества сейчасъ, если онъ сейчасъ упалъ, то не слѣдуетъ ему быть «надъ толпой» — и это ему можно поставить на видъ, а за прошлое ему уже уплачено полнымъ рублемъ успѣха и восторговъ...

Очень крупные художники сцены и эстрады и этого отъ деликатной (да — «деликатной») толпы не испытываютъ. Я слушалъ Тамберлина и Мельникова въ послѣдніе годы ихъ дѣятельности, когда отъ ихъ

ТЕАТРЪ ЛИТЕРАТУРНО-ХОУДОЖЕСТВЕННОГО ОБЩЕСТВА.

Эскизъ декораціи „Двѣнадцатая ночь“.

голосовъ осталось одно воспоминаніе, и толпа, состоявшая изъ старыхъ и молодыхъ, щадила ихъ, когда они пѣли, какъ выражаются иногда, не голосомъ, а «методой»... Я помню, какъ знаменитое контральто русской оперы — Бичурина — пѣла послѣдній разъ на Императорской сценѣ Уберту въ «Корделии» Соловьева, пѣла... вѣрнѣе шипѣла и странно вскрикивала (послѣ этого случая ей и пришлось покинуть сцену) — и публика громаднаго театра недоумѣвала, я-бъ сказалъ скорбно молчала, но никто не рискнулъ шикать ей, хотя имѣлъ-бы къ этому всѣ основанія... Публика умѣетъ разбираться въ такихъ случаяхъ...

Вспомните не такихъ художниковъ, а маркой пониже — все достоинство которыхъ или въ громадномъ отъ Бога данномъ голосѣ, золотомъ горлышкѣ съ серебристыми трелями, сладкомъ тембрѣ голоса, красивой наружности при среднемъ дарованіи и вспомните бѣшеные успѣхи ихъ у публики и затѣмъ представьте себѣ большихъ художниковъ другого типа, которые ничего подобнаго никогда не испытали и тщетно зывали къ невѣдомой художественной толпѣ («читатель, отзовись»... Шедрина), которые всю жизнь творили въ мрачныхъ петербургскихъ колодцахъ и бились въ нуждѣ и семьи

ТЕАТРЪ ЛИТЕР.-ХУД. ОБЩЕСТВА.

„Двѣнадцатая ночь“.

(Андрей Эгчикъ г. Сладкопѣвцевъ). Рис. М. Слѣпня.

которыхъ богатѣли лишь послѣ ихъ смерти—представьте себѣ этотъ контрастъ и скажите, неправда ли будетъ публика, когда она будетъ также наглядно шикать потерявшимъ голосъ пѣвцамъ, когда они вновь попытаются стать надъ нею—не имѣя на то уже болѣе права... Имъ было въ свое время дано публикой достаточно, когда они того стоили, теперь они не стоятъ ничего—ихъ игра сыграна.

Мнѣ не жаль ихъ въ это время... въ это время я вспоминаю сколько имъ было дано отъ этой художественной толпы и духовно и материально... и вспоминая тутъ-же какъ бился въ тискахъ нужды Достоевскій, какъ долженъ былъ онъ губить многое въ своемъ творчествѣ изъ-за рубля («Подрустокъ») и отъ этого мнѣ становится больно...

Къ эстрадно-сценическому дѣятелю, когда онъ плохъ, художественная толпа по существу ихъ взаимоотношеній должна быть гораздо болѣе строга, чѣмъ, скажемъ, къ писателю, написавшему неудачный рассказъ послѣ ряда удачныхъ.

Въ очеркѣ З—ра «Въ саду» («Театръ и Искусство № 31) авторъ приписываетъ озлобленіе толпы на артиста зависти и презрительно подчеркиваетъ пошлость черни («чиновники»). Это слишкомъ простое рѣшеніе вопроса.

Когда толпа гудитъ отъ восторга, осыпаетъ цвѣтами посредственнаго актера или актрису (поговорите съ любимъ или любой изъ нихъ—всѣ они испытывали эти восторги, по ихъ словамъ), то мнѣ, находящемуся въ тотъ моментъ въ толпѣ и стало быть «человѣку изъ толпы», не дѣлается завидно, а досадно—да... за другихъ художниковъ-творцовъ, которымъ эти недостойны и ремня на обуви развязать... И когда такой артистъ-худож-

никъ, что называется, «сдастъ»—я не удивлюсь, что ему будутъ шикать: принимаешь чрезмѣрно много хорошаго (больше чѣмъ стоишь)—принимай и дурное въ той-же пропорціи...

Кстати, неужели А. З—ръ думаетъ, что эта маленькая наружностью пѣвичка, распѣвающая скабрёзныя шансонетки въ третьестепенномъ шато-кабакѣ—представительница творческаго художественнаго начала, а обидѣвшая ее группа изъ толпы («чиновники») — чернь, которой недоступно подобное искусство и она ей завидуетъ? Дѣло очень просто: эта пѣвичка, очевидно, имѣла претензію стать «надъ толпой», но не имѣла для этого данныхъ, ибо кто же не понимаетъ, что и въ шантанахъ есть талантливые артисты и свои знаменитости... А можетъ быть это былъ просто пьяный шантанный эпизодъ—тогда и психологія другая.

Во всякомъ случаѣ въ заключеніе этой замѣтки мнѣ хочется напомнить слова Филона (о славѣ), что «всякій принадлежитъ къ толпѣ въ большей мѣрѣ, чѣмъ самъ это замѣчаетъ». Вотъ и все, что мнѣ хотѣлось сказать.

В. В. Чеховъ

Изъ Москвы.

Существуетъ-ли еще русская драматургія? «Придетъ время, и молодой лѣсокъ вырастетъ около одинокаго дуба», т. е. около «Ревизора»,—пророчилъ въ 1846 г. Тургеневъ, раздумывая о судьбахъ нашей драматической литературы. Время пришло и прошло. Молодой лѣсокъ не только выросъ, но какъ-будто уже и высохъ.

У русской драмы—славное прошлое. И даже Художественный театръ, обуянный любовью къ самымъ «послѣднимъ словамъ», обратился къ нему ищущими глазами, ставить въ этомъ сезонѣ «Ревизора» и «Лѣсъ». Но у русской драмы нѣтъ настоящаго.

Новой пьесой кн. А. И. Сумбатова, только что законченной авторомъ, да жанровыми картинками г. Рышкова «Казенная квартира»—исчерпываются всѣ обѣщанія московскихъ театровъ. Въ Художественномъ театрѣ—ни одной новой русской пьесы. У Корша, хотя онъ долженъ брать количествомъ и потому не можетъ быть очень требовательнень къ качеству, также ничего не слыхать по этой части. Двѣ премьеры, которыя уже успѣли пройти въ этомъ быстромъ театрѣ, были отданы нѣмцамъ, излишне извѣстному Ведекинду и совсѣмъ неизвѣстному Виду, третья будетъ отдана Бернштейну, четвертая Фульда, и афиша будетъ похожа на брань: «Воръ», «Дуракъ»...

Почему такъ истощилось у насъ драматургическое творчество?

На-дняхъ при мнѣ вели интересный споръ драматургъ и режиссеръ.

Драматургъ говорилъ:

— Виноватъ театръ. Онъ не возбуждаетъ къ творчеству, онъ не вызываетъ творчества. Если бы онъ предъявлялъ серьезный спросъ, и если бы у него были серьезныя силы,—не беспокойтесь, пьеса явилась бы.

Режиссеръ говорилъ:

— Виновата драматургія. Театръ изнываетъ отъ того, что нечего играть, таланты вянутъ, отъ того, что не на чемъ имъ упражнять себя. Не беспокойтесь,—явился пьеса, театръ жадно набросился-бы, руками не оторвать! И какъ-бы играли!

Драматургъ не убѣдилъ режиссера, режиссеръ не убѣдилъ драматурга. И оба были правы, и оба были неправы.

Тургеневъ, уѣхавъ въ 1847 г. за границу, въ четыре года написалъ всѣ свои пьесы. Нѣкоторые его біографы объясняютъ это его устремленіе въ драматургію состояніемъ театра. Зацвѣла русская сцена талантами, засверкала геніемъ Щепкина,—и Тургенева потянуло къ драмѣ. Драматургія стала какъ-бы очередной задачей. Театръ предъявилъ спросъ. Но, съ другой стороны, отъ Островскаго зацвѣла и пышно расцвѣла сцена. Драматургія предъявила спросъ,—и явились актеры. И я не знаю, Художественный-ли театръ утвердилъ въ драматургіи Чехова, или Чеховъ высоко поднялъ Художественный театръ?

Причины и слѣдствія путаются. На кого возложить вину за то положеніе, въ какомъ сейчасъ театръ, изъ котораго не видно близкаго и широкаго выхода? Обѣ стороны дѣлаютъ какъ-будто дружныя попытки, какъ-будто идутъ одна другой на встрѣчу. И расходятся все дальше. Драматургія стучится съ чѣмъ-то въ двери театра, но сцена не знаетъ, что ей съ этимъ «чѣмъ-то» дѣлать. Что ей дѣлать съ драмой Валерія Брюсова, хотя Брюсовъ писатель безспорнаго и большого таланта? Что ей дѣлать съ «Незнакомкой» Ал. Блока? За другое она хватается—и терпитъ крушеніе, срывается съ Сологубомъ въ какую-то темную пропасть, задыхается въ воздухѣ эстетическихъ теплицъ. Сцена напрягается, мечется,—и все больше путается, опускается, до глухой тоски, до безнадежности. Прильните ухомъ къ сердцу нашего театра. Вы ясно услышите эту великую тоску. Самые бодрые и увлекающіеся носятъ въ себѣ томящее уныніе. Театры—безъ пьесъ, а драматурги не находятъ театровъ. Я не предлагаю средствъ исцѣленія. Но, думается, вѣрно констатирую факты. И факты эти трагичны.

Мнѣ рассказывали недавно о любопытномъ разговорѣ одного русскаго сценическаго дѣятеля съ Меттерлинкомъ, самымъ важнымъ, не говорю уже—самымъ талантливымъ,—изъ обновителей или новаторовъ драмы. Онъ наложилъ сильную, четкую печать своего вдохновенія и своихъ пріемовъ. Онъ разлился кругомъ весьма широкимъ влияніемъ.

— Всѣ мои пьесы ничего не стоятъ,—такъ приблизительно говорилъ знаменитый бельгіецъ,—с'est de la blague. Единственно, чѣмъ я гордъ, это—моей «Моппа».

Пусть тутъ было нѣкоторое кокетливое самоуничиженіе. Но тутъ была и искренность. Авторы, какъ матери, часто невѣрно распредѣляютъ свою любовь между своими дѣтьми Тургеневъ нѣжнѣе всего любилъ «Вешнія воды». Въ «Принцессѣ Малейпъ», въ «Аглавенѣ и Селизеттѣ» больше красоты, шире поэтической размахъ, чѣмъ въ «Моннѣ Ваннѣ». Но характерно, что Меттерлинкъ превыше всего цѣнитъ именно ту свою пьесу, въ которой меньше всего меттерлинковскаго направленія, школы, которая не утверждаетъ новую драму, но возвращается къ старой.

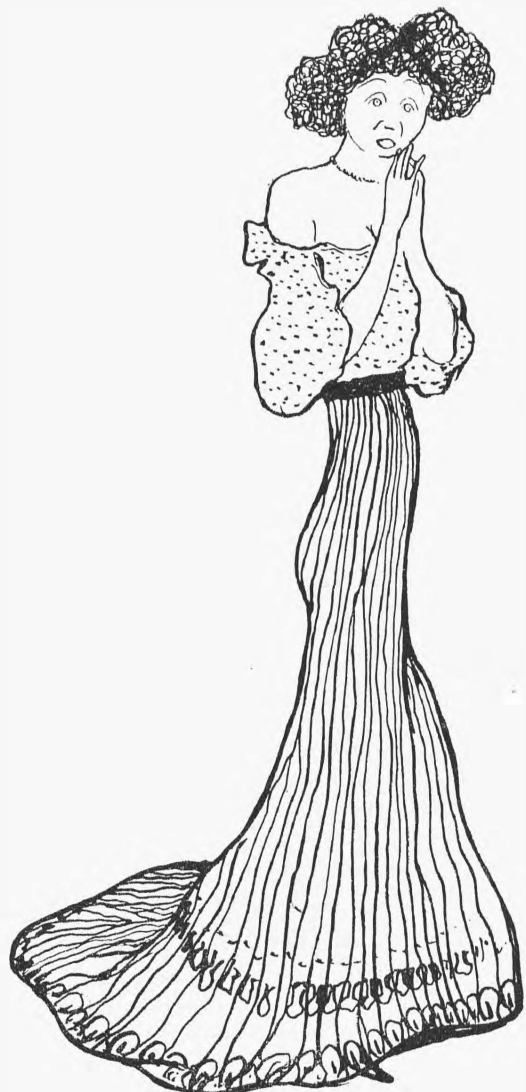
Я вовсе не хочу этимъ сказать, что вотъ оно—спасеніе, вѣрное разрѣшеніе трагедіи театра и выходъ изъ тупика: возвратъ къ старому. Неизбѣжно не возвращаться, но куда-то итти. Я хочу только сказать, что банкротство чувствуется въ томъ, въ чемъ видѣли незыблемую цѣнность. Что и въ западной драматургіи кризисъ. Театръ, оставаясь театромъ, и чтобы остаться театромъ, никакъ не можетъ примѣниться къ новому курсу, терпитъ въ немъ крушеніе. И или мирится, какъ въ Парижѣ, на ловкомъ, но пустомъ мастерствѣ Бернштейновъ и Батайлей, или топчется, мечется, сгибается.

И въ нашихъ московскихъ театральныхъ условіяхъ происходитъ, подъ давленіемъ все тѣхъ-же причинъ, большая перестановка. Не кажется-ли вамъ показательнымъ, что въ Художественный театръ входятъ Гоголь и Островскій, имъ отдается пол-сезона, а въ репертуарѣ Малаго театра есть въ этомъ году д'Аннунціо, и Меттерлинкъ, и Гофман-сталь? Точно одинъ театръ, лѣвый, передвинулся вправо, другой, правый—влѣво (конечно, «правый» и «лѣвый» понимаю здѣсь только въ смыслѣ эстетическомъ). И эта перестановка есть для меня ясное выраженіе не какихъ-то «измѣнъ», перемѣнъ вкусовъ, но глухого броженія, запутывагося положенія, тупика. Это—явленіе все того-же порядка, что и наша сцена безъ пьесъ, наши пьесы—безъ сцены... Все грани той-же трагедіи русскаго театра.

* * *

Пока сезонъ еще впереди. Всю московскую драму представляетъ одинъ пестрый коршевскій театръ. Онъ уже успѣлъ коснуться обоихъ полюсовъ, трагедіи и фарса. И на обоихъ полюсахъ почувствовалъ себя весьма неуютно. Трагедію «Духъ Земли» поставили для г-жи Карелиной-Раичъ, которая—очень хорошая артистка, но меньше всего—артистка трагическая. А фарсъ «2×2=5» занятенъ, на мой взглядъ, только цифрами въ заглавіи, которое имѣетъ отдаленное отношеніе къ самому содержанію пьесы.

Каюсь, не лежитъ у меня душа къ Ведекінду.

Д. М. Вадимова.
(Шаржъ).

Я думаю, что мода на него уже прошла. Ведекинды принесли въ литературу небольшой талантъ, большую грубость и особенно большой апломбъ, который можно-бы назвать и куда менѣе деликатнымъ словомъ. *Erat le bourgeois*,—вотъ его коренной эстетическій принципъ. Размахнуться, огорошить. И все время бродить онъ около одной и той-же соблазнительной темы. Недавно я читалъ у Реми-де-Гурмона, что «нѣтъ поэзіи безъ эротизма, не можетъ быть философіи безъ эротизма». Конечно, онъ только забылъ прибавить: нѣтъ и театра безъ эротизма. Ведекинды вѣруеть въ это, какъ въ коранъ, какъ въ непреложный художественный догматъ. Только не прочь расплывчатый терминъ «эротизмъ» подмѣнить болѣе отечественнымъ—эротоманіи.

Въ «*Erdgeist*», который подъ именемъ «Вампира» идетъ теперь въ коршевскомъ театрѣ, весь Ведекинды. Половой инстинктъ облекается у него здѣсь, для вящей «эпатантности», въ одежды чуть что не мистическія, получаетъ размахъ демоническій. Лулу какимъ-то самому проносится чрезъ всѣ жизни, опрокидываетъ стариковъ и юнцовъ, художниковъ и цирковыхъ атлетовъ, аристократовъ и лакеевъ. Въ послѣднемъ актѣ Ведекинды сводитъ вокругъ демона Лулу шестерыхъ сю обожженныхъ мужчинъ и одну женщину. Безъ однополой любви картина была-бы не полна, лишена остраго аромата современности.

Эту пьесу можно не играть совсѣмъ. И, по моему, лучше не играть. Но ужъ если играть, то совершенно необходимо этотъ демонизмъ чувственности сдѣлать основой исполненія. Лишь въ немъ смыслъ. Онъ можетъ быть трагиченъ и убить правила 1001 статьи. Лулу должна быть сплошной пожаръ, въ которомъ сгораетъ и она, и всѣ кругомъ подвластные ея чарамъ. Плоть, ставшая паоосомъ,—иначе все разсыпается гнилью.

А у г-жи Карелиной-Раичъ нѣтъ трагического, нѣтъ демонизма, нѣтъ паооса. Остаются сочиненныя, нагримированныя трагическими красками похождения куртизанки. Г-жа Карелина-Раичъ перевела роль Лулу на языкъ Дюма, вѣрнѣе—Бернштейновъ и Доннэ, транспонировала роль на ладъ граціозной французской комедіи. Мѣстами было блестяще, изящно, изобрѣтательно по части поэты, мимики, интонацій. Мѣстами были казенные приемы выраженія экстаза, безъ самого экстаза. И въ обоихъ случаяхъ не было Лулу и не было Ведекинда. Не было сокрушающихъ бушеваній чувственности, ставшей злобою, ставшей ненавистью, ставшей проклятьемъ.

Въ прошломъ году Ведекинды хорошо поработали на коршевскую кассу. Въ этомъ году лишь ввелъ въ расходъ, и денегъ, и актерскихъ силъ.

На смѣну демонизму Ведекинда пришелъ г. Видъ со своимъ арифметическимъ абсурдомъ $2 \times 2 = 5$. Это — фарсъ, къ которому бочкомъ пристроилась какая-то будто-бы пессимистическая мудрость. Люди живутъ по закону нелѣпости, по логикѣ дважды два—пять. Г. Видъ дѣлаетъ глубокомысленную и мрачную усмѣшку. Право, она—только гримаса. И если онъ думаетъ, что у него получился трагифарсъ, какъ опредѣлила одну свою пьесу Запольская,—онъ ошибается: только фарсъ. Потому что идея автора доказывается или иллюстрируется самымъ фарсовымъ образомъ, положеніями чисто-внѣшняго и невысокаго комизма.

На коршевской сценѣ это разыгрывалось грубо, съ натугою. Не было достаточной срепетовки, и не сверкала въ исполненіи веселость. Повторю то, что говорилъ выше. Можетъ быть, этого не стоило играть; но ужъ если играть,—то непременно въ веселыхъ сверканіяхъ, съ брызжущимъ комизмомъ,

со всюю сочностью красокъ. И чтобы не умолкалъ смѣхъ.

Въ этой пьесѣ я видѣлъ новаго коршевскаго артиста, г. Горина-Горяинова. Кажется, онъ уже подходитъ въ любимцы публики. Да, онъ талантливый, изящный, пріятный, у него благородная манера игры, въ его интонаціяхъ есть умъ и искренность, въ его мимикѣ выразительность безъ крикливости.

Это общаетъ хорошее. Но онъ—не тотъ захватывающій, сочный комикъ, какого требуетъ роль въ пьесѣ Вида, а роль не такова, чтобы было въ ней просторно другимъ сторонамъ артистической личности г. Горина-Горяинова.

Н. Эфросъ.

Письма изъ Ярославля.

I.

Ярославль, колыбель русской сцены, пользующійся репутацией серьезнаго театральнаго центра, переживаетъ нѣ на стоящее время театральное безвременье.

Въ прошломъ году нашъ старый театръ спѣлъ свою лебединую пѣсню. П. П. Медвѣдевъ закончилъ здѣсь послѣдній сезонъ, а навсегда закрылись ветхія двери много послужившаго театра.

Драма перекочевала въ скверненькій деревянный театрикъ хорового общества. И всю зиму при полномъ равнодушіи публики въ немъ подвизалось слабо сколоченное, скудное силами и художественно-материальнымъ размахомъ товарищество, организовавшееся послѣ краха антрепренера Алмазова.

Во главѣ дѣла стояли два молодыхъ, чуткихъ и даровитыхъ артиста г. Мухинъ и г-жа Попова-Барвинокъ, ученики Художественнаго театра. Они несли на себѣ всю тяжесть и репертуара и материальной неустойчивости. И какъ порой ни грустно было видѣть серьезные недочеты дѣла, но все же къ концу сезона было жаль и тяжело раставаться съ этой маленькой и скромненькой труппочкой.

Какъ то сразу мы осиротѣли...

На сумеречномъ фонѣ сѣренькой мѣстной общественности этой маленькой театрикъ, гдѣ намъ все же давали Чехова, Гауптмана, Ибсена, Хейерманса, Чирикова, былъ своего рода огонькомъ. Сидя въ немъ и отдыхая на любимыхъ авторахъ, мы невольно мирились и съ недостатками отдѣльных исполнителей, и съ убожествомъ обстановки, и съ вынужденной невыдержанностью репертуара.

Былъ театръ.

Наступилъ Великій постъ. Старый театръ похоронили, остались одни камни. Деревянный театрикъ одиноко замолкъ. И мы остались безъ театра.

И приходилось, подобно горьковскому барону, твердить:

— Все было, и театръ былъ, яркій, волнующій! И артисты играли, большіе, сильные, глубокие! Все было, все было!..

А теперь мы „на днѣ“ театральномъ.

Постъ прошелъ скучно, тягуче, плохо... Пробавляясь мертвыми надоедливими синемаатографами.

Отовсюду приходили вѣсти о гастрольяхъ столичныхъ артистовъ, вездѣ провинцію дарили своимъ короткимъ, мимолетно-милымъ вниманіемъ такіе сценическіе корифеи, какъ Савина, Давыдовъ, Южинъ и т. д.

За весь постъ только нѣсколько малоизвѣстныхъ концертантовъ. Но такое положеніе вещей не могло такъ продолжаться въ дальнѣйшемъ. Такой большой городъ не могъ оставаться цѣлое лѣто и весну безъ театра.

Нѣкій московскій продприниматель выстроилъ на бульварѣ прекрасный лѣтній театръ. Вначалѣ предполагался только синемаатографъ, но затѣмъ въ лицѣ труппы Тверского явилась драма.

Сразу было много общаній и ожиданій.

Антрепренеръ пытался наигрывать на струнѣ серьезности и художественности, веселый жанръ допускался въ видѣ вынужденной уступки въ самомъ минимальномъ размѣрѣ. Такъ было въ проектѣ.

И не прошло какихъ-нибудь трехъ, четырехъ недѣль, какъ выяснилось, что всѣ „жалкія“ хорошія слова антрепренеромъ забыты, и доминирующее положеніе въ репертуарѣ занялъ самый безшабашный грубый фарсъ. Потянулись всѣ эти „Пѣвички Бобинетъ“, „Депутатъ изъ Сингилея“, „Радій въ постели“ и т. д. Жаль было смотрѣть на актеровъ, которыхъ заставляли ломаться и продѣлывать всю программу фарсовой

буффонады. *Фарсовый* актеръвъ труппѣ Тверскаго, если не считать г-жу Арнольди, не имѣется, и естественно, что фарсъ представлялъ здѣсь совсѣмъ жалкое зрѣлище.

Единственный случай, когда г. Тверской захотѣлъ доказать свою „серьезность“—, это былъ „Дядя Ваня“ въ годовщину смерти А. П. Чехова—закончился скандаломъ. Печальная атмосфера чеховскихъ поминокъ была грубо оскорблена соединеніемъ въ одномъ вечерѣ и на одной афишѣ Чехова и какого-то бродячаго фокусника Штрауса, портретъ котораго красовался на „поминальной афишѣ“. И несмотря на протесты мѣстной газеты „Сѣв. Вѣстника“ освободить свѣтлую память дорогаго писателя отъ такого сосѣдства и выключить изъ программы вечера „номера“ ярмарочнаго фокусника, г. Тверской остался вѣрнѣе своей „мысли“. И въ то время, какъ въ театрѣ красовался бюстъ Чехова, окруженный цвѣтами, въ саду во время антрактовъ публику, только что упивавшуюся нѣжными чарующими образами чеховской кисти, потѣшалъ балаганный шутъ.

Послѣ этого факта г. Тверской рѣшилъ, очевидно, утвердиться въ своемъ „новомъ курсѣ“ и пригласилъ въ подмогу своей труппѣ нѣсколькихъ борцовъ атлетовъ. И на тѣхъ самыхъ подмосткахъ, гдѣ играютъ „Дядю Ваню“, происходитъ тупое кидокъ зрѣлище, отбивающее охоту приходить въ театръ.

Обидно, что на сцену пришли „чумазы“, что театръ они превратили въ лавочку, въ которой ради сбора преподносятъ сегодня „поминокъ Чехова“, а завтра—борьбу. Обидно на актеровъ, надъ которыми орудуютъ такіе антрепренеры, какъ г. Тверскіе, и заставляютъ ихъ, забывъ высокое званіе артиста, „увеселять“ фарсового потребителя.

И несмотря на всѣ эти антрепренерскія ухищренія публика неохотно посѣщаетъ театръ г. Тверскаго, не питая довѣрія и его фарсово-атлетическому предпріятію. Справедливость требуетъ отмѣтить, что въ самомъ началѣ лѣта онъ пытался чаще ставить вещи серьезнаго репертуара, но скверная постановка, отсутствіе твердой режиссерской руки, недостатокъ въ хорошихъ исполнителяхъ, которые подбирались и для драмы и для *фарса*, сразу же отбили у публики охоту посѣщать лѣтній театръ.

Изъ артистовъ труппы г. Тверскаго заслуживаютъ быть отмѣченными г-жа Арнольди (каскадная грандъ кокетъ), Виноградова и Страховская, гг. Матѣевъ (резонеръ), Мартосъ (характерная роли) и Летковский (молодой любовникъ и неврастеникъ).

Хочется въ заключеніе рассказать одинъ фактъ. Въ труппѣ г. Тверскаго служилъ молодой актеръ г. Буховскій (еврей). Ему выдали разрѣшеніе на временное проживание въ г. Ярославль въ теченіе 2½ мѣсяцевъ лѣтнаго сезона. Во время постановки „Весенняго потока“ Косоротова г. Буховскому предложено было режиссеромъ прочесть въ 2 актѣ въ видѣ мелодраматическаго „Узникъ“ (Гречанинова), который по пьесѣ поется.

На другой день послѣ спектакля г. Буховскаго вызываетъ пом. полиціимейстера для внушенія, грозить его выслать за чтеніе со сцены „агитационныхъ стихотвореній“.

Такая полицейская цензура не нова для Ярославля. Еще зимой грозили выслать изъ города артиста Мухина за чтеніе некасовыхъ стихотвореній, въ которыхъ мѣстный черносотенный листокъ „Рус. Народъ“ усмотрѣлъ „крамолу“ и настрочилъ соответствующій доносъ. И если въ отношеніи г. Мухина угроза не была приведена, то въ отношеніи г. Буховскаго она имѣла опредѣленный практическій результатъ.

Г. Тверской затѣялъ „контромарочную“ войну съ полиціей. Антрепренеръ сократилъ число полиційскихъ контромарокъ до пяти. И на другой же день *еврею* Буховскому предложено было въ 24 часа покинуть Ярославль. Распродавъ послѣднюю одежду и сколотивъ себѣ кое-какъ на дорогу, бѣдный маленький труженикъ сцены долженъ былъ ѣхать въ поискахъ за работой въ то время, когда всюду кончается лѣтній сезонъ.

Сав. Семеновичъ.

Провинціальная лѣтопись.

КИСЛОВОДСКЪ. Осталось всего нѣсколько дней до конца сезона, и можно безъ риска подводить итоги, которые на сей разъ зѣло неутѣшительны. Водворившаяся въ курзалъ съ 1-го іюля опера („первое кооперативное оперное товарищество“), спустя 16 дней, отцвѣла, не успѣвши расцвѣсть. Для „фешенебельной“ кисловодской публики это и въ самомъ дѣлѣ было безнадежное предпріятіе, у котораго въ активѣ находилось нѣсколько свѣжихъ и пріятныхъ молодыхъ голосовъ, а все прочее—хоръ, оркестръ, постановка, репертуаръ—составляло слишкомъ внушительный пассивъ. Мечтали о гастролерахъ съ громкими именами, но пока они явились, дѣло пошло. Арендаторъ курзала А. А. Литвиновъ съ отчаянія чуть-ли не волосы на себѣ рвалъ и оправдывался тѣмъ, что его подвелъ представитель казанско-саратовской оперы Боголюбовъ, съ

которымъ онъ было покончилъ, но тотъ вдругъ отказался пріѣхать, ссылаясь, между прочимъ, на пресловутую „пропажу“ Нарзана, небольшой съѣздъ и проч. А между тѣмъ время ушло и думать о сформированіи новаго дѣла было уже невозможно. Пришлось ухватиться за жалкую соломинку въ образѣ кооперативнаго товарищества, годнаго, какъ оказалось, больше для тѣхъ российскихъ захолустей, гдѣ пока о настоящей оперѣ очень смутно слышаны. Такъ или иначе—но прогаръ оперы имѣлъ для г. Литвинова весьма досадныя и, не говоря уже о моральныхъ, обременительныя для кармана послѣдствія. Первый за все время существованія курзала скандалъ—отсутствіе труппы въ самый разгаръ сезона—настроилъ враждебно противъ него желѣзную дорогу, которая очень ревниво относится къ специально созданному для увеличенія ея доходовъ театру. Отношенія стали натянутыми и это окончательно доконало сезонъ. Г. Литвиновъ пригласилъ было подвизавшуюся на другихъ группахъ оперетту съ пріѣхавшей изъ Петербурга В. И. Пюнтковской. Курзалъ мигомъ повеселѣлъ. „Веселая вдова“ дала „битковой“ сборъ. „Ночь любви“ также манила розовой надеждой на поправленіе тощихъ финансовыхъ обстоятельствъ. Но желѣзнодорожная администрація обнаружила рѣдкій пуримъ и признала оперетту для кисловодской публики зрѣлищемъ слишкомъ легкомысленнымъ. Признаться, подобная цензура нравовъ со стороны желѣзной дороги не можетъ не порадовать своей нелѣпостью!.. Власти за нравственностью разншерстной публики, собирающейся на кавказскихъ минеральныхъ водахъ—задача болѣе чѣмъ неблагодарная, особенно если припомнить, что подъ бокомъ здѣсь оперируютъ и шантанъ, и игорные дома и тому подобныя „воспитательныя“ учрежденія. Послѣ запрещенія оперетты интересъ къ курзалу совсѣмъ упалъ. Пробовала его подогрѣть Л. Б. Яворская, но ея спектакли особаго успѣха не имѣли, несмотря на ихъ раздуваніе мѣстной прессой, преимущественно газетой „Пятигорское Эхо“, вопіюще-безграмотныя рецензій которой уже были отмѣчены на страницахъ „Театра и Искусства“. Въ итогѣ—курзалъ, доживая послѣдніе дни сезона, является собой унылую картину полной „мерзости запустѣнія“, проявляясь случайными концертами, спектаклями никому невѣдомыхъ артистовъ, трансформаторовъ, „грандіозными балами“, на которые собирается полтора человѣка и пр. Публики сюда ужъ никакими калачами не заманишь, а на состоявшемся 14 августа бенефисѣ, напримѣръ, добросовѣстнаго и опытнаго дирижера А. К. Марквардтаея собралась обидно-жалкая горсточка. Кстати сказать, съ оркестрами въ нынѣшнемъ сезонѣ Кисловодску повезло: не только курзальный, но и оркестръ нижняго парка подъ умѣлымъ управленіемъ дирижера московскаго Большого театра г. Федорова, закончиваго 15 августа свои концерты, очень нравились курсовымъ и доставляли истинное удовольствіе любителямъ музыки. Тѣмъ не пріятнѣе было „недоразуміе“, которое произошло у г. Литвинова съ трубачемъ Марквартомъ (однофамиліецъ дирижера) и о которомъ на страницахъ журнала уже сообщалось. Что вамъ еще сообщить изъ кисловодской увеселительной хроники?.. Шантанъ („казино“), о которомъ уже появился рядъ скандальныхъ разоблаченій, старается во всю: каждый день общаются дебюты всевозможныхъ „знаменитостей“, которыя на повѣрку оказываются маргаритовыми. Игорные дома (одинъ при этомъ же „казино“, другой—„филантропическое собраніе“) также ведутъ энергичный походъ на курсовыхъ. Азартъ порождаетъ разныя драмы до самоубійствъ несчастныхъ игроковъ включительно. Но игорные дома не робѣютъ: сегодня покончила съ собой кака-нибудь ихъ жертва, а на завтра объявляется блестящій конкурсъ „мужскихъ усовъ и женскихъ глазъ“ съ призами и сюрпризами за выдающіеся экземпляры. „Усы всѣхъ странъ, соединяйтесь!“ Таковъ торжественно объявляемый на афишахъ сверхсовременный лозунгъ торжествующей минеральной пошлости...
Волгаръ.

КАЗАНЬ. Этимъ лѣтомъ въ Казани и его окрестностяхъ правильно работали три сада, съ лѣтними театрами: „Аркадія“, „Панаевскій“ и „Эрмитажъ“. Въ первомъ устроился „Столичный фарсъ“, дирекція А. А. Левитскаго, но спектакли тамъ давались только по 2 іюля, а затѣмъ труппа эта перекочевала въ Панаевскій театръ, въ центръ города („Аркадія“ же за чертой города), оттѣснивъ начавшее было тамъ функционировать „Товарищество легкой комедіи“. Переселившись въ городъ, труппа г. Левитскаго дала рядъ скабрёзнейшихъ фарсовъ, какъ-то: „Радій“ или „Въ чужой постели“, „Амуръ и К“, „А ну-ка покажите, что у васъ есть“, „Первая ночь“.

Публика далеко не оправдала и здѣсь, въ Панаевскомъ театрѣ, надеждъ и не очень усердно посѣщала фарсы, какъ не посѣщала ихъ и въ „Аркадіи“.

Въ Панаевскомъ же театрѣ, гдѣ въ началѣ лѣта играла труппа малороссовъ г. Шатковскаго, послѣ отъѣзда этой труппы, почти въ половинѣ іюля, довольно долго не было совсѣмъ спектаклей, но къ концу іюня сформировалась была труппа, подъ названіемъ „Товарищество легкой комедіи“ и стала давать спектакли подъ управленіемъ и главнымъ режиссерствомъ А. М. Кречетова, всего 4 спектакля: 30 іюня, 2, 3, и 4 іюля должно было, временно, посторониться, уступивъ дорогу фарсу г. Левитскаго. Возобновивши свою дѣятельность

съ 15 юля, „Товарищество“ затѣмъ уже правильно функционировало почти мѣсяцъ—по 15 августа. Впрочемъ и въ этотъ промежутокъ времени оно вынуждено было сойти съ арены на 4 спектакля, съ 10 по 13 августа включительно, когда въ Казань явился г. Тонни, съ опереткой—безъ хора и оркестра!.. Обстановка оперетокъ была жалкая, но играли и пѣли прилично.

Переходя къ отчету о „товариществѣ“ легкой комедіи, прежде всего сообщимъ его репертуаръ. Въ теченіи менѣе мѣсяца было поставлено: *три* раза фарсъ „Поптавскій (Казанскій) дядошка“, по *два* раза: „Фарисей“, „Жизнь челоѣка“ фарсъ, „Каторжникъ“ мелодрама, „Ночь г-жи Монтесонъ“, „2 и 1“ (или „При пиковомъ интересѣ“) „У насъ на кухнѣ гости“ (или „Журфиксъ“) и „Герои синематографа“ (фарсы). По одному же разу прошли фарсы: „Жена съ того свѣта“, „Брачный бойкотъ“, „Шерлокъ Холмсъ въ Казани“, „Ненавистники драмы“, „Идеальный жандармъ“, „Маменькинъ сынокъ“ и „Пробужденіе весны“, „Необыкновенная женщина“, „Юная буря“, „Воръ“, „Палата № 6“, „На законномъ основаніи“ и др. Въ двухъ спектакляхъ приняли участіе гг. Давыдовъ и г-жа Давыдова, пропѣвъ рядъ цыганскихъ романсовъ, съ большимъ успѣхомъ. Объявленъ былъ фарсъ: „Приключеніе въ участкѣ“, на послѣдній спектакль „товарищество“, 16 августа и даже былъ сыгранъ первый актъ, но затѣмъ спектакль былъ прекращенъ—„по непредвидѣннымъ обстоятельствамъ!“ Изъ перечня пьесъ видно, что „товарищество“ тяготѣло къ фарсамъ; изрѣдка ставило комедіи и два раза поставило мелодраму.—Въ общемъ спектакли его шли дружно, весело, а иногда прямо хорошо. Хорошій актеръ „главный режиссеръ“ г. Кречетовъ. Хорошо держится на сценѣ; хорошо гримируется, обладаетъ прекрасной дикціей. Прямое его дѣло—это роли фатовъ и характерныя.

Равнымъ съ нимъ успѣхомъ пользовалась артистка Куроптева, и ея кончина глубоко опечалила не только ея товарищей по сценѣ, но и публику. Очень хорошо играли и г-жи Маркова, Мюаръ и Валентинова. Вдумчивымъ артистомъ показалъ себя и г. Дымовъ, казанскій уроженецъ. Хорошій резонеръ г. Бѣляевъ. О дѣлахъ театра „Эрмитажъ“ до слѣд. корреспонденціи.

Н. О. Юшковъ.

КРЕМЕНЧУГЪ. Старожилы не запомнятъ такого безнадежно тоскливаго театральнаго сезона, какъ истекающій нынѣ лѣтній сезонъ. Въ теченіе всего лѣта къ намъ не заглянулъ ни одинъ гастролеръ, не появилось ни одной труппы. Мѣстной публикѣ пришлось пробавляться синематографами и садовымъ кафе-штаномъ. Въ юнѣ какъ-то появились анонсы, за подписью „Арбенина, артиста казенныхъ театровъ“, извѣщавшіе о прибытіи драматической труппы. Но въ день спектакля оказалось, что „казенный Арбенинъ“ скрылся, забравъ нѣкоторую сумму у садоваго антрепренера, а самой труппы не было. Черезъ нѣсколько дней, правда, прибыла труппа и объявила о спектакляхъ въ театрѣ городского сада. Репертуаръ намѣченъ былъ комедійный. Въ составѣ труппы оказались очень приличныя силы: г-жа Кирсанова, гг. Всеволожскій, Курихинъ и др. Спектакли шли съ ровнымъ ансамблемъ, но публика отнеслась крайне недовѣрчиво къ труппѣ и черезъ нѣкоторое время пришлось прервать спектакли, за полнымъ отсутствіемъ сборовъ. Труппу эту смѣнили борцы, дѣлавшіе битковые сборы.

Вопросъ о предстоящемъ зимнемъ сезонѣ находится въ довольно неопредѣленномъ состояніи. Зимній театръ, арендуемый г-жей Аничковой, какъ мы сообщали на столбцахъ „Театра и Искусства“, переданъ ею на зимній сезонъ антрепренеру г. Лихтеру.

Между тѣмъ владѣлецъ зимняго театра г. Нѣмецъ, не получая арендныхъ платежей отъ г-жи Аничковой, предъявилъ въ судъ искъ съ ходатайствомъ объ устраненіи г-жи Аничковой отъ аренды театра. Судъ ходатайство удовлетворилъ и театръ перешелъ въ фактическое владѣніе Нѣмца. Впослѣдствіи, по отзыву г-жи Аничковой, первое постановленіе было отмѣнено, за неподсудностью дѣла, по размѣрамъ иска, городскимъ судьямъ, но и принявшій въ свое фактическое владѣніе театръ г. Нѣмецъ отказался передать его обратно въ распоряженіе Аничковой. Такимъ образомъ антрепренеръ Лихтеръ лишенъ возможности осуществить свое право эксплуатаціи зимняго театра въ теченіи предстоящаго сезона.

Г-жа Аничкова намѣрена завести процессъ съ владѣльцемъ театра, но отъ этого положеніе дѣла въ ближайшемъ времени не измѣнится.

Кромѣ того, техническая коммисія осматривала зданіе зимняго театра и признала его опаснымъ для публичныхъ представлений, до производства въ немъ капитальнаго ремонта. А времени на такой ремонтъ уже не осталось.

Распорядительная коммисія народной аудиторіи предоставила контрагентство по эксплуатаціи аудиторіи мѣстному уполномоченному Театральнаго Общества Г. С. Стрѣльцову. Послѣдній ѣздитъ въ Москву для переговоровъ въ Бюро о приглашеніи труппы и гастролеровъ. Г. Стрѣльцову въ Бюро рекомендовали сдать аудиторію по полусезонно, на первый періодъ антрепренеру г. Лихтеру, а на вторые полсезона малорусскому антрепренеру г. Чернову.

Владѣлецъ зимняго театра Нѣмецъ ведетъ переговоры съ г.г. Энскиндомъ, Лихтеромъ и другими предпринимателями о сдачѣ театра въ долгосрочную аренду.

И. Дѣйчманъ.

ОЕОДОСИЯ. 15 августа закончились спектакли гастролеровъ здѣсь опереточной труппы М. П. Ливскаго. За 5 спектаклей въ Оеодосіи взято 2376 р., т. е. 475 р. 20 к. на кругъ. Поѣздка началась съ 4 мая, при чемъ посѣщены были города Воронежъ, Астрахань, Саратовъ, Симферополь, Севастополь, Керчь и Оеодосія. Премьеры труппы г-жи Жулинская, Баратова, Чарская; гг. Онѣгинъ, Мираевъ, Долинъ, Глуминъ. Капельмейстеръ А. М. Сибирякъ, режиссеръ В. М. Пивоваровъ. Репертуаръ „Ночь любви“, „Веселая вдова“, „Герцогиня Герольштейнская“, „Въ вихрѣ вальса“ и т. п.

Во время пребыванія въ Оеодосіи труппа внезапно лишилась лучшаго артиста баритона Онѣгина, погибшаго отъ азиатской холеры.

Въ лѣтнемъ театрѣ играетъ уже продолжительное время малороссійская труппа А. Манецкаго, назначившая цѣны отъ 10 до 50 коп. и дѣлающая благодаря этому сборы. Съ 15 сентября въ циркъ-театрѣ начинаются спектакли малороссійской труппы С. А. Глазуненко.

Давала здѣсь концертъ „проѣздомъ изъ Парижа“ (черезъ Оеодосію) „знаменитая“, какъ сказано было въ афишахъ чета Южиныхъ (Н. С. и Д. К.), посѣтила насъ и Артемисъ Колонна, граціозно танцовавшая подъ звуки Шопена, Глюка, Гуно и проч.

В. Гейманъ.

Редакторъ О. Р. Кугель.

Издательница З. В. Тимофеева (Холмская).

О Б Ъ Я В Л Е Н І Я .

Гостиница „Націокаль“

(бывш. „ГИГИЕНА“).

Телефонъ 47-22. * С.-Петербургъ, Гончарная, 14.

Вблизи Николаевского вокзала и Калашник. хлѣбной биржи.

Вновь отдѣланы номера отъ 1 р. 25 к. до 7 р.

ЭЛЕКТРИЧЕСТВО, ЛИФТЪ, ВАННЫ, ПАРИКМАХЕРСКАЯ.

Говорятъ на иностранныхъ языкахъ.

При гостиницѣ—роскошно отдѣланный ресторанъ.

ПЕРВОКЛАССНАЯ КУХНЯ, КАБИНЕТЫ, БИЛЛЯРДЫ.

ИНОСТРАННЫЯ И РУССКІЯ ВИНА лучшихъ фирмъ.

Телеф.: 62-57, 62-51, 61-81.

КОФЕ, ШОКОЛАДЪ,
МОРОЖЕНОЕ,
ФРУКТЫ,
ВОДЫ.

CAFE de FRANCE — Невскій, 42.

ЗАВТРАКИ,

ОБѢДЫ И УЖИНЫ.

Пирожныя и печенія собственной кондитерской.

Вѣнскій хлѣбъ. Вновь роскошно отдѣланная дамская гостинная.